

Наталья Зимняя

СЮРПРИЗ

18+

Наталья Зимняя

Сюрприз

«Автор»

2020

Зимняя Н.

Сюрприз / Н. Зимняя — «Автор», 2020

Грегори Хокстоуна и юную Николь Астлей когда-то разделила пропасть ненависти и отвратительно досадное стечение обстоятельств. И все могло бы на этом закончиться. Но судьба один за другим преподносит им неожиданные сюрпризы. Новая встреча грозит выстроить между ними бастионы непримиримой вражды. Но, Грегори теперь уже не видит в Николь испуганного подростка. Николь выросла. Победить собственных демонов, стереть досадные ошибки прошлого и покорить гордую строптивицу- по силам ли это герцогу Уотерфорду?

© Зимняя Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 10	36
Глава 11	40
Глава 12	47
Глава 13	52
Глава 14	58
Глава 15	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Наталья Зимняя

Сюрприз

Глава 1

Англия, Лондон, имение барона Мэдлоу, 1863 год

Леди Ингрид Астлей стояла у окна отведенной ей комнаты и нервно постукивала идеально отполированными ноготками по подоконнику. Сегодня был решающий вечер. Она долго и терпеливо ждала его, все тщательно спланировала и не могла допустить, чтобы что-то пошло не так. Конечно же, намечающееся представление не было ее последним шансом, но в случае неудачи ей придется сделать шаг назад, а терпение было уже на исходе. Внизу, на наряженной перед старинным особняком лужайке, прогуливались такие же, как она приглашенные. Выражение «такие же, как она» для нее существовало лишь символически. Таких, как она не было. Она единственная – это было ее главное жизненное убеждение.

Ингрид смотрела на всех этих людей свысока, сквозь призму собственного высокомерия. Будучи совсем юной, благодаря природе, щедро одарившей ее красотой, она, из дочери успешного адвоката, превратилась в баронессу Астлей. Старый барон совершенно случайно наткнулся на прелестное создание, в ожидании отца разгуливавшее по его дому, и в очередной раз подтвердил всеобщее мнение о том, что с головой у него не все в порядке. Через месяц старый Лайонал Астлей женился на семнадцатилетней дочери своего служащего. Юная Ингрид стала баронессой и получила счастливый билет, позволяющий без ограничений пользоваться всеми дарами светской жизни. И она с удовольствием принимала эти дары, ни к чему никогда не прилагая никаких усилий. Поэтому теперь, несколько месяцев, проведенных ею в паутине собственных интриг, требовавших от нее титанической выдержки и невероятной хитрости, изрядно потрепали ее самолюбие. Оно требовало удовлетворения, полного и немедленного!

Многие из развлекавшихся здесь аристократов были пешками, которые она выстраивала в течение всего этого времени, согласно правилам собственной игры, и не подозревали об этом. В определенный день, при определенных обстоятельствах, они помогали ей встать еще на одну клеточку ближе к своей цели. Даже сэр Брендон Малховен, ее последний любовник, хоть и был весьма недурен в постели, но получил свое место рядом с Ингрид, только благодаря «нужным» знакомствам. Сейчас он, ничего не подозревая, стоял с двумя полными бокалами пунша среди праздника, там, где Ингрид оставила его несколько минут назад, под предлогом отлучения в дамскую. Несколько месяцев назад, когда леди Астлей прибыла в Лондон, на предстоящий сезон, убедив мужа, что их юной дочери необходимо привыкать к светской жизни, он не казался ей стоящей добычей. Но Малховен оказался настойчив и смог-таки заманить Ингрид на прием в свое загородное поместье. Леди скучала и поехала в Малховен-холл, чтобы развеяться. Встреча, произошедшая на приеме, не только заставила ее забыть об этом досадном чувстве. Грегори Хокстоун, маркиз Лимерик, вынудил леди Астлей потерять покой. Еще никогда в своей жизни она так не желала мужчину. И то, что он был младше нее на несколько лет, совершенно не смущало ее, а только подогревало столь яркую страсть, объясняемую еще и тем обстоятельством, что леди Астлей никогда не приходилось испытать хоть малейшее игнорирование. Сильный пол совершенно разных слоев и возрастов падал к ее ногам и становился либо временной необходимостью, либо так и оставался лежать незамеченным. Маркиз же оказался мастером по части игнорирования, был неприступен как скала, высокомерен и обращал внимание на окружающих его женщин не более, чем на обстановку комнаты в которой находился. Он мимолетом оценивал их стоимость и качество, и, естественно, так же ими пользовался. Тот факт же, что вскоре маркиз должен был вступить в правонаследование и стать следующим гер-

погом Уотерфордом, делало желание обладать им настолько одержимым, что Ингрид не могла уже думать ни о ком другом.

Прошло несколько месяцев, но никакие попытки обратить на себя внимание не возымели результата. Именно по этой причине сэру Малховену, как хорошему знакомому маркиза, в доме которого он частенько бывал, все-таки улыбнулась удача стать любовником баронессы. К тому же он был кузенком леди Элинор Мэдлоу, любовницы Лимерика, а это давало все шансы узнать о возжеленном мужчине как можно больше. Леди Мэдлоу стала лучшей подругой Ингрид. А Ингрид, в свою очередь, ее первой советчицей, верно ведущей соперницу к неминуемому разрыву. Сегодня предстояла кульминация. Ингрид чуть скривившись, снова взглянула на сэра Малховена. Он больше не нужен. Сегодня Ингрид наконец получит то, чего действительно хотела, а бедному Брендону предстояла одинокая ночь.

Оживление на лужайке заставило женщину обратить внимание на собравшихся. Появилась хозяйка поместья, Элинор Мэдлоу, и жестом остановила игравших музыкантов. Не было слышно, что она говорила, но гости стали поворачивать головы в сторону въездных ворот, и Ингрид поняла, чем вызвано оживление. Отойдя от окна, она внимательно осмотрела себя в огромном позолоченном зеркале. Годы были с ней заодно. В свои тридцать один баронесса Астлей была прекрасна без малейшего преувеличения. Точеная фигура, безупречная белая кожа, выгодно контрастировавшая с черными волосами. И вся жизнь впереди. У нее есть все для счастья. Точнее, почти все. Ингрид хитро прищурилась и вновь посмотрела в окно. Там, среди шумного приема, пока недоступный, но от этого еще более желанный прибыл ее главный приз.

Шикарные вороны, ведущие черный экипаж с гербом Лимерик, остановились, как вкопанные, повинувшись опытной руке кучера, одетого, как и спрыгнувшие тут же с запяток лакеи, в бордовую с золотом ливрею. Вытянувшись в струны по обе стороны от открытой дверцы, они замерли, но движения в глубине экипажа не было. Грегори Хокстоун, вышеупомянутый маркиз Лимерик, удивленно уставился из убежища своего экипажа на собравшихся в ожидании людей, как зверь из безопасного логова. Он давно уже привык к ажиотажу, обычно сопровождавшему его появление, но сейчас, при виде выглядывающих друг из-за друга гостей, ему очень захотелось захлопнуть дверцу и приказать кучеру везти его домой. Выждав еще пару секунд и подавив раздражение, он медленно вышел. То, что что-то не так, он понял, как только увидел вышедшую ему на встречу хозяйку, но дальше события происходили, как будто начался какой-то плохо отрепетированный спектакль, об участии в котором его забыли предупредить. Пока под аплодисменты собравшихся, Элинор брала его под руку и вела через коридор улыбавшихся гостей вглубь двора, он ничего не мог понять, и только вбитое годами и происхождением самообладание не позволяло ему резким окриком заткнуть сбесившихся музыкантов и потребовать объяснений. Все происходящее приобрело призрачные очертания, когда его взгляд наткнулся на то, к чему торжественно вела его Элинор. Посреди нарядной лужайки возвышалась статуя, на атласной перевязи которой красовалась надпись: «С днем рождения, Хокстоун!»

В этот момент каждый из ожидавших реакции именинника гостей, имел великолепную возможность сравнить гранитное изваяние с его прототипом, так как лицо маркиза вмиг стало точно таким же каменным. Повисло неловкое молчание. Грегори собрал всю волю в кулак, чтобы не сделать то, что собирался сделать немного ранее в карете. Несколько дней назад, когда его новый камердинер, как особа, пользующаяся несколько большими привилегиями по сравнению с другими слугами, но еще не имевшая никакого понятия о строжайшем запрете даже задумываться в присутствии маркиза об этой дате, поинтересовался по поводу предполагаемых распоряжений ко дню рождения его милости, он получил полное представление о том, как маркиз к этому относится. Никогда, с того самого «незабываемого» дня его детства, Грегори не изъявлял желания отмечать его. Он просто вычеркнул этот день из календаря своей

жизни, как и всех, кто был связан с ним. Поэтому, когда в их последнюю встречу, Элинон пригласила его на прием в честь открытия малого сезона, он не заметил подвоха.

Стиснув челюсти, он натянуто улыбнулся собравшимся.

– Дамы и господа! Думаю, в отличие от моего каменного изваяния, лишённого предусмотрительным мастером языка, я могу попросить вас заняться тем, для чего вы собственно здесь и собрались. Леди Мэдлоу, думаю Вам просто необходимо выполнить Ваши обязанности хозяйки приема. Велите музыкантам играть! – обратился он к притихшей рядом Элинон голосом настолько спокойным, что та уже было, вздохнула с облегчением, но когда после этих слов он повернулся к ней, сникла под ледяным взглядом.

Под первые аккорды вальса Грегори подхватил ее под локоть и двинулся к середине площадки. Ожидая, что он хочет вместе с хозяйкой вечера открыть танцы первым вальсом, гости расступились, но Хокстоун, не задержавшись, прошагал через площадку, увлекая за собой Элинон к затененной аллее. Суетливо заполняя лужайку, многие все еще вытягивали шеи, пытаясь стать свидетелями явно вопиющей сцены, которая обещала сейчас разыгаться между маркизом и леди Мэдлоу, ведь его взрывоопасный характер и пренебрежение условностями не для кого не были новостью. Но сгущавшиеся сумерки и склонившиеся ветви мешали любопытным взглядам, и им ничего не оставалось, как «заняться тем, для чего они собственно здесь и собрались», с наслаждением смакуя очередную выходку будущего герцога. Надо уточнить, что, как и в большинстве случаев, подавляющее количество «почестей» досталось бедняжке Элинон, как и другим, замешанным в похождениях Хокстоуна женщинам. Мужчины порицали ее слишком прозрачную связь с маркизом просто, по определению, а женщины торжествовали и праздновали очередной провал потенциальной соперницы. Только одна из присутствующих здесь «хищниц» с полуулыбкой сделала глоток шампанского в честь своего собственного триумфа. В отличии от своей наивной подруги, Ингрид прекрасно знала об отношении Хокстоуна к этой дате и, предвидев его реакцию, сама, «по-дружески», подкинула ей идею этого вечера. Очередной шаг сделан, подумала она, с той же полуулыбкой глядя в напряженную спину Элинон, увлекаемой Хокстоуном, и уже открыто сверкнув белоснежными зубами, отсалютовала бокалом каменному маркизу.

Глава 2

– Грегори, Вы делаете мне больно! – Элинор уже начинала похныкивать и когда, наконец, они стали недоступны взглядам гостей, выдернула руку из стального плена.

Маркиз не возражал. Поджав губы и скрестив руки за спиной, он отошел немного в сторону, пытаясь справиться с гневом. Элинор, спустя уже пару минут готова была просить прощения, несмотря на то, что совершенно не знала, за что. Прекрасно осознавая, что в любой момент этот непредсказуемый мужчина может исчезнуть из ее жизни навсегда, причем без всяких объяснений, женщина, пытаясь унять бешено колотившееся сердце, уже сделала шаг в его сторону, но Хокстоун резко повернулся и заговорил первым.

– Прошу меня простить, леди Мэдлоу, я позволил себе выйти за рамки, – и, увидев, что любовница, сцепив руки, подалась навстречу, резко пригвоздил ее к месту тем же ледяным взглядом, – Вы должны понимать, что не нужно было устраивать все это, – Хокстоун многозначительно обернулся на происходящее за их спинами, – без моего согласия.

– Но, милый, – Элинор, не выдержав, все-таки сделала несколько шагов вперед и попыталась обнять его, – разве я должна была попросить твоего согласия, чтобы сделать тебе сюрприз? женщина, совершенно искренне, не понимая причины его недовольства, удивленно заглянула ему в глаза.

Грегори, храня недовольное молчание, чувствуя, что гнев медленно сходит на нет, посмотрел в обращенное к нему, лицо. Что-то в этой женщине привлекло его тогда, несколько месяцев назад, иначе она не стала бы его любовницей. Просто сейчас он никак не мог вспомнить, что именно. Естественно она была хороша, естественно не обладала никакими особо раздражающими его недостатками, естественно удовлетворяла его в постели. Все было естественно и не требовало никаких изменений. Но почему-то ему все реже хотелось видеть ее. Сейчас, смотря на нее, он вспоминал вереницу ее предшественниц. Практически каждая его любовная связь заканчивалась вот так, если ее ранее не обрывали какие-нибудь более скандальные обстоятельства.

– Леди Мэдлоу, – он, взяв ее за плечи, настойчиво, но уже более мягко отстранил от себя, – больше всего на свете я не люблю сюрпризы.

Элинор, понимая, что, несмотря на то, что тон и взгляд его уже не источали ледяной холод, их отношения под угрозой, уже практически со слезами, вновь попыталась прижаться к нему. Но крепкие руки не дали ей это сделать.

– Элинор, – настойчиво удерживая ее на расстоянии, произнес маркиз, – вам необходимо вернуться к гостям. Думаю, нет необходимости в каких-либо объяснениях.

С этими словами он взял ее под руку и так же настойчиво вернулся с ней на лужайку. Весь следующий танец женщина, двигалась, только повинаясь его опытным движениям, практически не слыша музыки. В голове стояли его последние слова. Маркиз Лимерик, лучший мужчина, бывший в ее жизни, называл ее по имени только в очень редкие минуты хорошего расположения духа или, иногда в постели, хотя в моменты любовной близости он чаще молчал. Всегда, когда он произносил ее имя, Элинор испытывала почти блаженство, наивно надеясь, что шансов растопить его сердце у нее больше, чем у других. Сейчас же ее накрыла волна безысходного отчаяния, настолько непривычной для их отношений была ситуация в которой любовник произнес ее имя. О чем думал весь танец сам маркиз, угадать было трудно. Маска вежливой бесстрастности, которой пользовался обычно маркиз, была совершенно непроницаема. Как только закончился танец, он кратко извинился перед хозяйкой вечера и удалился с площадки под предлогом прогулки по имению в одиночестве. Леди Мэдлоу, которую он оставил, предварительно проводив к компании друзей, отвечала на обращения собравшихся меха-

нически. Она прекрасно понимала, что ее только что бросили, но сделано это было настолько тактично и незаметно, что сейчас выдать ситуацию могла только она сама.

Грегори стоял у небольшого пруда, искусно устроенного в парке имения Мэдлоу. Он был недоволен, как и всегда, когда его собственные желания шли вразрез с требованиями этикета. Самым правильным он считал сейчас немедленно покинуть поместье, причем без всяких условностей. Правила хорошего тона же требовали выдержать хотя бы небольшую паузу, чтобы Элинор не стала посмешищем. Она была для него хорошей любовницей все это время и, по его мнению, заслуживала хотя бы попытки сохранения репутации. Если конечно, это было еще возможно. О чем она только думала, устроив этот вечер?! Ведь даже самому наивному простофиле, совершенно не знакомому с правилами общества, теперь должно стать понятно, что вдова не устроила бы прием в своем имении для мужчины, пусть даже друга, если бы их не связывали отношения особого рода. Его собственная репутация его не заботила, как, впрочем, и ее... Но открыто унижить ее он позволить себе все-таки не мог.

Сюрприз... Какое неприятное, мутное, словно отражающая блики огней вода у его ног, слово Воспоминания, связанные с ним, не менее мутны и отвратительны. Хокстоун тряхнул головой и, вскинув руки, пригладил ими и без того идеально уложенные темно-русые волосы. Что же за день сегодня такой? На душе нет привычной уравновешенности. Грегори покачал головой и невесело ухмыльнулся – сегодня день его рождения. В бурой воде пруда, как в непрошенном видении, замелькали его ожившие воспоминания, и на берегу стоял уже не грозный маркиз Лимерик, а пятилетний мальчик, горько оплакивающий свои разбитые детские надежды. В тот день Грегори плакал, может быть и не в первый, но точно в последний раз.

Англия, герцогство Уотерфорд, Замок Уотерфорд, 1844 г.

Вот уже несколько дней в имении происходило что-то необычное, Грегори совершенно точно это заметил. Пытливый мальчишеский взгляд подмечал это по странно напряженному поведению слуг и какой-то особенной суете. Даже его гувернантка, миссис Лето, которая всегда открыто и непосредственно обсуждала с ним разные темы, теперь прятала взгляд и смотрела на него как-то необычно, когда думала, что он не замечает.

Несколько месяцев назад из заграничной поездки не вернулись его отец Рональд Хокстоун, маркиз Лимерик и его дед – герцог Уотерфорд. Корабль, на котором они возвращались из Америки, затонул вместе со всем экипажем и пассажирами. Замок погрузился в траур. Старый герцог был человеком с очень тяжелым и непредсказуемым характером, но его сына – Рональда любили все. В имении не было ни одного человека, который не скорбел бы о нем. Маленький наследник, по-детски, тянулся к внушающему благоговение грозному герцогу, но дед всегда осаждал его непосредственные попытки выразить радость или намек на нежность. Отпрыскам аристократов не положено было проявлять таких «простонародных» чувств. Отец же, иногда, когда они оставались наедине, становился каким-то по-особенному внимательным, превращался из наследника герцогства в человека, который мог вместе с сыном лазать по деревьям и ловить рыбу. Но это случалось исключительно редко, а в присутствии деда он позволял себе лишь мимоходом потрепать Грегори по голове.

Леди Виктория Хокстоун общалась с сыном сначала через няню, потом через горничных и гувернантку, и после гибели отца и деда Грегори чувствовал себя особенно заброшенным. На фоне этих обстоятельств было особенно необычным в эти дни поведение матери. Она была весела и приветлива. А в тот день произошло совершенно невиданное событие, когда мать, в непонятно откуда взявшемся порыве нежности, закурила его в объятиях и, звонко поцеловала в щеку.

– Дорогой мой мальчик, с сегодняшнего дня начинается новая жизнь! Я пока не хочу тебе рассказывать, но завтра тебя ожидает прекрасный сюрприз! – она отпустила его и, поправив выбившийся из прически рыжеватый локон, добавила, – Кстати, нужно сказать миссис Лето, что завтра ты должен выглядеть особенно торжественно.

С этими словами она снова прижала его к себе и выпорхнула из комнаты. Через секунду ветренная мать уже забыла о своем сбитом с толку ребенке. Рой мыслей о предстоящих в ее жизни переменах не позволял ей думать о том, о ком она не думала всерьез никогда. Но маленький Грегори не видел этого и не понимал. Оставшись в комнате, он с разбега запрыгнул в стоящее возле камина высокое кресло и прижал руки к горящим щекам. Совершенно не привыкший к проявлению каких-либо чувств со стороны маркизы, он испытал такое смятение, что маленькое мужское сердце готово было выпрыгнуть из груди. Он был счастлив, как никогда. Даже в память об отце единственном родном человеке, с которым он когда-то чувствовал себя нужным и любимым, он не мог сейчас сказать, что был когда-нибудь более счастлив.

Грегори не заметил, как в комнате появились Марлон горничная его матери и миссис Лето, они не заметили его.

– Вы слышали, миссис Лето, как щебетала сейчас хозяйка? По-моему, она совершенно потеряла голову от любви... – Марлон принялась вытаскивать чуть привядшие настурции из огромных напольных ваз.

– Вы забываетесь, милочка, – тут же осадила ее гувернантка.

– А Вам она приказала приготовить маленького герцога к завтрашнему торжеству, – не унималась девушка.

– Я приготовила бы Грегори и без ее напоминаний, – Ханна Лето презрительно приподняла подбородок, – Завтрашний день принадлежит ему по праву, и в отличие от нее, я помню об этом, – добавила она уже тише, грустно опустив плечи.

– Может она и помнит? – Марлон завертелась совсем рядом с креслом, и Грегори вжался в шелковую обивку, не желая быть замеченным. – Ведь мы обе слышали, что она обещала мальчику сюрприз...

– Мы обе знаем, милочка, о каком сюрпризе шла речь, – резко возразила гувернантка. – Мальчик совершенно не ожидает такого сюрприза... Знаете, Марлон, никогда не думала, что настанет момент, когда я пожалею о смерти старого герцога... Это был единственный человек, который мог поставить ее на место.

С этими словами она вышла. Марлон, собрав в охапку настурции, последовала за ней. Грегори, конечно, не понял ничего из их разговора, его мысли были заняты другим. Что же за день завтра, и что за торжество готовится в имении? И тут он с радостным возгласом вскочил с кресла... Конечно! В трауре и заброшенности последних месяцев он совершенно забыл. Завтра день его рождения... Вот о каком сюрпризе говорила мама. Она не забыла! Мальчик пулей вылетел из комнаты. Ему очень хотелось сейчас же поделиться со всеми, кто обращал на него внимание все это время: конюхом Рональдсом, садовником Тирпи, и, конечно, старой поварихой Бесси, но он не мог. Он должен обязательно сохранить все в тайне. Он не испортит мамин сюрприз! И от этого радость и торжественность завтрашнего дня станет в сотни раз сильнее!

Глава 3

Англия, Лондон, Имение барона Мэдлоу 1863 год.

– Мистер Хокстоун? – вынырнув из пут воспоминаний, Грегори понял, что к нему обращаются. Неподалеку стояла женщина. Высокая, статная, с совершенно черными, как вороново крыло, волосами на фоне молочно-белой кожи. «Красива», мимолетно пронеслось в голове маркиза. Сбитый с толку воспоминаниями, он даже не сразу понял, что уже неоднократно видел ее.

– Мистер Хокстоун... С вами все в порядке? Вы стояли у самого края пруда с таким отрешенным выражением лица, что я ненароком подумала, не придется ли мне нырять следом за вами?

Женщина подошла ближе.

– А вы нырнули бы? – Грегори скусающе окинул ее вблизи, отметив про себя, что она действительно хороша.

– Даже не сомневайтесь, маркиз, я бы не позволила виновнику торжества так просто избавиться от своих обязанностей, – склонив голову набок, с ослепительной улыбкой заверила его она.

При упоминании о дне рождения Хокстоун состроил такую кислую гримасу, что собеседница расхохоталась.

– Бросьте, маркиз! Даже если вы ненавидите этот день, вы не можете просто вычеркнуть его из календаря! Его можно просто пережить. Берите пример с меня, – она ткнула сложенным веером себе в грудь. – Я тоже ненавижу свой день рождения – и, увидев, что мужчина в немом вопросе изогнул бровь, уточнила, – с некоторых пор!

– И в чем же, позвольте уточнить, мне следует брать с вас пример? Ненавидеть свой день рождения? – Грегори вложил руки в карманы брюк и выжидающе воззрился на собеседницу.

– О нет! Что вы! Всем известно, что невозможно ненавидеть что-либо более, чем ненавидит свой день рождения маркиз Лимерик! – женщина, отойдя к кусту роз, аккуратно сорвала с него влажный от вечерней росы цветок и поднесла к лицу. Ну, или, почти всем.

– В самом деле? – Грегори продолжал рассматривать ее. Да, он видел эту женщину и раньше, на разных приемах, кажется, в основном с бароном Малховеном. Возможно, они были представлены друг другу. Оставалось только припомнить ее имя

– А откуда, например, вам это, известно, миссис ...

– Астлей... Меня зовут Ингрид Астлей... брюнетка, довольно резко вскинув вверх руки, ловко заправила в свитые локоны сорванную розу, и отвернувшись, медленно пошла вдоль берега.

Грегори остался стоять там же. Несомненно, она флиртвала с ним. Не было еще ни одной представительницы этого испорченного пола, которая не делала бы этого, исключая разве что двух-трех жен его друзей, которые, по-видимому, чем-то отличались от других. К тому же его опыт не позволил ему не заметить ту досаду, которая промелькнула в ее глазах, когда она поняла, что он не знает, или не помнит ее имени. «Типичное женское самомнение! Она единственная и неповторимая. Такой больше нет, и все должны пасть ниц перед ее красотой!», с присущим ему сарказмом подумал Хокстоун, все еще глядя ей вслед. «Действительно красива и довольно желанна», опытный взгляд отметил четко продуманные грациозные движения искусственной, опытной женщины.

Но он не пошел следом. Он был искушен не менее, более того он был пресыщен. Несмотря на свой возраст, ни в одной из окружавших его представительниц рода Евы, он не находил никаких особенных черт, которые бы выделяли ее из общей массы. Он прекрасно понимал, что наградив его титулом, небеса в придачу подкинули ему весьма банальную, и от

этого еще более утомительную обязанность продолжения рода для передачи герцогства. Были бы у него другие варианты, беспокоиться об этом даже не пришло бы ему в голову, но их не было. Все чаще он задумывался, что рано или поздно ему придется найти женщину, которая должна будет стать матерью его ребенка, его наследника. Несмотря на его, не очень благовидную репутацию, любая из осуждающих его похождения мамаш, привозящих на сезон дебютанток и незамужних подопечных, была бы несказанно счастлива такой партией. Умудренные опытом матроны вздыхали по старинной родословной и баснословном богатстве маркиза, которое и без его умений, в скором будущем обещало стать просто невероятным. Юные, и не совсем, претендентки, тайком от своих надзирательниц, не сводили глаз с широченных плеч, чеканных черт и ленивой улыбки, которая изредка посещала губы будущего герцога. Все это обещало пока еще неискушенным красавицам столько наслаждения, сколько они еще только могли себе представить, делясь обрывками добытых где-то знаний со своими такими же неопытными сверстницами.

Все это совершенно не волновало сам трофей. Ему нужен был сосуд, естественно отвечающий всем требованиям его положения, желателен привлекательный на вид и новый. Таких сосудов вокруг было огромное множество, что совершенно не радовало маркиза. Чем больше выбор, тем труднее его сделать.

Ингрид была не просто раздосадована, она была в бешенстве. «Надменный сукин сын!» Совершенно исключено, чтобы он не помнил ее. В тот вечер у Аттертонов, он без конца скользил по ней взглядом, конечно довольно отсутствующим, но они оба были с партнерами, по-другому и быть не могло. Сейчас же он намеренно дал ей понять, что видит ее в первый раз.

Первый пункт плана пока не удовлетворял ее ожиданиям. Женщина резко выдернула из прически розу, отшвырнув ее в сторону, и стала нервно постукивать сложенным веером о ладонь. Нужно успокоиться... Ведь она прекрасно знала, что добыть этот фрукт будет не так просто. Нужно перестать нервничать и идти намеченным путем. В конце концов, чем сложнее битва, тем слаще победа! Но уязвленное самолюбие все-таки сделало последний укол, напомнив, что Грегори остался там, у пруда, так и не последовав за ней, как сделал бы любой другой мужчина, получив такую привилегию, как проводить леди Астлей. А ведь ей показалось, что в его глазах на мгновение промелькнул интерес. Постаравшись поставить на место разыгравшееся самолюбие, Ингрид перевела дыхание и, уже было, направилась к площадке, но чуть заметное движение справа остановило ее. Повернув голову, она удивленно изогнула бровь, увидев собственную дочь, уже практически скрывшуюся в зарослях жасмина.

– Николь?! Что ты здесь делаешь? – неприятное подозрение, что дочь стала свидетельницей ее неудачного флирта, заставило женщину надменно вскинуть голову, как будто перед ней стояла не ее четырнадцатилетнее чадо, а заставшая ее в момент поражения соперница. Но нет, перед ней действительно была ее дочь точная копия, как будто кто-то очень внимательно и дотошно срисовал образ. Это сходство было подарком судьбы, потому что девочка не была дочерью старого барона. Когда после свадьбы обнаружилось, что, несмотря на неплохое воспитание, молодой жене не хватает многих элементарных познаний, в имение Астлей был приглашен молодой учитель. Совершенно не случайно, а благодаря тому, что юная баронесса совершенно точно оценила влияние своей красоты на мужа, юноша оказался сыном старого друга ее отца и, в отличие от самой Ингрид, испытывал к ней довольно серьезные чувства. Переступив через гордость, которая долго мучила его, не позволяя приблизиться к юной возлюбленной, из меркантильных побуждений отдавшейся старику, он оказался в имении ее мужа. Именно он и стал отцом Николь.

И тогда, когда весь высший свет был небезосновательно уверен в том, что появившаяся на свет девочка не была кровной наследницей барона, сам Астлей был вне себя от счастья. Сходство Николь с матерью связало руки сплетникам, и тайна осталась тайной.

Николь не видела ее встречи с маркизом, несмотря на то, что находилась не так далеко. Она пыталась уложить в своей хорошенькой головке то, что услышала всего несколько минут назад. Две прогуливающиеся, незнакомые ей особы, не заметив ее, сидящую на небольшой скамеечке в темноте, совершенно «вовремя» решили обсудить ее мать. В свои четырнадцать, уже совершенно привыкшая к допустимым в рамках приличия сплетням, девочка хотела было пропустить мимо ушей довольно неприятные высказывания, но услышанное дальше повергло ее в шок.

– Да что там говорить о ее непристойностях сейчас. Вспомните о том, что было раньше, дорогая, – пожилая матрона в несуразно ярком наряде, обмахиваясь веером, подхватила под руку свою, не менее престарелую, собеседницу.

– Раньше? Ну, раньше тоже было всякое, – женщина отмахнулась то ли от назойливого насекомого, то ли от слов подруги. – Ты ведь помнишь, Амелия, я была влюблена в Лайонела и, если бы не его вечные чудачества мой отец мог бы даже подумать о браке.

– Да. К сожалению, когда Астлей решил насмешить свет женитьбой на этой выскочке, ему некому было помешать, и в итоге он остался в дураках!

– Не в дураках, дорогая, а в рогоносцах, – при этом женщина понизила голос, наклонившись к подруге, как будто знала, что их подслушивают. – Всем понятно, что старина Астлей не может быть отцом наследницы. Даже жаль, что девочка так похожа на леди Ингрид, можно было бы догадаться кто ее настоящий отец.

– Да что там догадываться! Я слышала из довольно достоверных источников, что в имении Астлей жил какой-то то ли художник, то ли учитель, так вот, он и является отцом девочки. А сейчас эта вертихвостка увлечена любовником нашей Элинор, великолепным Хокстоуном

Повергнутая в шок, Николь резко встала, что, наконец, привлекло внимание сплетниц. Тихо ахнув, они, замолчав на секунду, резко сменили тему и, неестественно громко разговаривая, удалились. Николь было не до них. Они называли ее отца чудачком. Да у нее самый лучший отец на свете! Никогда она не слышала, что бы отцы из высшего общества лечили бездомных собак, или отплясывали на праздниках с простолюдинами в ближайшей деревне, или сидели у кровати детей вместо матери или няnek, когда они больны. Отец никогда не любил светских мероприятий, конечно в высшем обществе это могло считаться чудачеством. Это очень раздражало мать. Бесконечные истерики и упреки, в конце концов, вынудили сэра Астлей позволить баронессе посещать светские сезоны без него, тем более, что она все время делала ставку на будущее дочери, возможности устроить которое, он, по ее мнению, лишал девочку своим затворничеством. Конечно, ей было невдомек, что юная наследница барона, совершенно не мечтала ни о каких светских привилегиях. Воспитанная презирающим шум столичных сезонов отцом, носящая в себе наследственность далекого от сливок общества молодого учителя, Николь была счастлива в имении.

Сейчас, вырванная из своих сбивчивых мыслей окликом матери, она решала вопрос: «Что будет, если прямо сейчас спросить мать об услышанном?»

– Я спрашиваю тебя, что ты делаешь здесь, в кустах? – Ингрид кивнула в сторону благоухающих цветов, вглядываясь в бледное и растерянное лицо дочери, не подозревая о творящемся у нее внутри хаосе.

– Я гуляла по саду, девочка вынырнула обратно из суливших укрытие, благоухающих веток. Естественно, она не могла признаться матери, что сначала попросту пряталась в этих кустах. Леди Мэдлоу решила, что Николь «непреренно должна спеть» для какого-то маркиза, а мать, обычно не проявлявшая особого энтузиазма в отношении талантов дочери, почему-то именно в этот раз была в восторге от этой идеи. Как девочка не отпиралась, говоря, что еще никогда не исполняла песен на публике и что те песни, которые любит она, вряд ли подойдут к намеченному торжеству, ее не слышали. Мама и Элинор согласились с ней только в том, что ее песни действительно не подходят.

Срочно был вызван учитель, репертуар был утвержден, и Николь только и оставалось, что с досадой приняться за занятия. Выбранные песни все до одной были глупыми и приторными. Пока их приходилось разучивать и исполнять только наедине с мистером Бромли, все было терпимо, но по мере приближения вечера, девочке отчаянно захотелось заболеть или что-нибудь еще в этом роде, лишь бы не выходить перед высшим обществом и не чувствовать себя последней идиоткой, напевая о «розовых цветочках». Но со здоровьем у нее по-прежнему было все в порядке, и никакое другое препятствие не помешало сегодняшнему вечеру. Поэтому, она отсиживалась здесь в саду, в надежде, что о ней просто забудут. Находясь в ступоре от услышанного, она уже слишком поздно попыталась скрыться, увидев приближающуюся мать.

– Знаю я, почему ты здесь гуляешь! – высказалась мать, в очередной раз, намекая на излишнюю скромность дочери. Ей, родившей ее, было совершенно невдомек, что Николь просто искусно изображала из себя скромницу, чтобы поменьше находиться в обществе, которое предпочитала ее мать. – Пойдем! – Ингрид решительно взяла дочь под руку, – Элинора наверняка уже вся извелась в поисках тебя. Сегодня ты произведешь настоящий фурор.

Сомневаясь, что в нынешнем состоянии сможет вообще издать какой-нибудь звук, Николь, как одеревенелая кукла пошла рядом с матерью. Они направились к гостям. Леди Астлей, занятая мыслями о своих дальнейших действиях, совершенно не обращая внимания на странное молчание дочери. Как во сне Николь оказалась в объятиях суетящейся баронессы Мэдлоу, затем у рояля, пытаясь сосредоточиться хотя бы на чем-то. Ноты перед глазами начали расплываться в какой-то причудливый, похожий на картинку в калейдоскопе, узор, несмотря на то, что слез не было.

Глава 4

Грегори, наконец, решил вернуться к гостям. Правда, только лишь для того, чтобы как всегда безупречно вежливо распрощаться. Все еще перебирая в мыслях все известные ему недостатки противоположного пола, он, совершенно, кстати, вспомнил, что давно не навещал одного довольно близкого сварливого родственника, при посещении которого каждый раз всплывала эта совершенно нежелательная для него тема. Но долг звал, имение было неподалеку, и, несмотря на необходимость обсудить в очередной раз его взаимоотношения с женщинами и способ заведения наследника, перспектива оставаться здесь радовала его куда меньше.

На площадке к его возвращению все изменилось. Свет множества свечей в расставленных по кругу канделябрах смягчил мрак сгущавшихся сумерек. На лужайку внесли несколько длинных скамеек, кое-где были расставлены плетеные кресла. Большинство гостей уже заняли свои места, внимание их было приковано к роялю. Элинора и, к удивлению маркиза, леди Астлей теперь он мог вспомнить ее имя, сидели ближе всего к роялю. Грегори направился прямо к ним.

– Леди Мэдлоу, обратился он к хозяйке, – леди Астлей, – к ее соседке, – я должен покинуть Вас. Как Вы знаете, неподалеку здесь находится имение герцога Уотерфорда. Его здоровье с каждым днем все хуже. Мне совершенно необходимо навестить его сегодня, пока еще не совсем поздно. –

Обе женщины, сидящие сейчас напротив, испытали сильнейший прилив досады. Но, если леди Астлей, уже давшая зарок спокойствия и невозмутимости, только чуть заметно сжала губы, то Элинора, тут же, вскочив, зашебетала:

– Ваша светлость, это совершенно невозможно! – и, увидев в удивлении приподнятые брови маркиза, поспешила добавить, – Вы совершенно вовремя успели к главному... событию вечера, – быстро проглотив, чуть не сорвавшееся слово «сюрприз», закончила она и указала рукой в сторону рояля. Там уже сидела юная девочка, в красивом розовом платье, ярко контрастировавшем с ее черными, как смоль, волосами. Девочка сидела боком к ним, и Грегори не видел ее лица, но совершенно точно подметил практически портретное сходство между ней и сидевшей рядом леди Ингрид.

– Ваша дочь? – он повернулся к Ингрид и уже более пристально посмотрел в ее лицо, получив утвердительный кивок, добавил, – очень похожа, – и как будто для того, чтобы увериться в своих словах обошел женщин так, чтобы лучше видеть девочку.

Уже не первый раз Ингрид ощутила совершенно ничем не подкрепленный укол зависти по отношению к собственной дочери. Николь было всего четырнадцать лет, ее формы еще не избавились от подростковой угловатости, вечно скромно опущенные глаза и почти детские движения, конечно, не могли возбудить в мужчине интереса, но почему-то маркиз Лимерик его проявил. Ингрид тут же осадила себя. «Разве вопрос может что-то означать! Да, со временем Николь может стать достойной соперницей но не сейчас же?» Она раздраженно сделала знак музыкантам, зазвучало вступление.

Николь сжалась. Наверное, если бы она играла без сопровождения, то никогда бы не начала, но музыканты уже играли, и она положила руки на клавиши. Зазвучал веселый, ни к чему не обязывающий мотив.

Грегори скривился. Почему-то, когда девочка грациозно подняла руки, он замер, ожидая чего-то особенного. Но к простенькому мотиву, тут же, присоединились такие же простенькие, и даже глуповатые слова.

Николь как будто наблюдала за собой со стороны. Сейчас она видела и чувствовала себя совершенно такой же, как большинство маминых знакомых и их дочерей: пустой, глупенькой, не думающей ни о чем, кроме выгодной партии и последней моды, сплетницей, – такой, какой она дала себе обещание никогда не стать. Ее отец просил ее не стать такой. Ее отец! Может

ли быть простыми сплетнями все то, что она услышала там в аллее. В поисках ответа Николь хотела посмотреть на мать, но, оторвав взгляд от клавиш, увидела не ее, а с, внезапно замершим сердцем, прочла в рассматривающих ее серых глазах, все то, что чувствовала сейчас к самой себе. Унизительная снисходительность и разочарование настолько явно читались во взгляде и в, почти презрительно изогнутых, губах стоящего у рояля молодого мужчины, что девочка резко опустила глаза.

Непонятное сожаление, которое испытал Грегори, когда девочка подняла лицо, помешало ему тут же развернуться и уйти, как он и собирался сделать пару минут назад. Еще одна жертва изошренного воспитания высшего общества. Разве есть хоть какой-нибудь незначительный шанс, чтобы когда-нибудь в этом обществе появились необыкновенные женщины, если каждая из его представительниц растит своих дочерей по образу и подобию своему. Хокстоун скосил взгляд на сидевшую рядом в кресле леди Астлей. Чему могла научить девочку эта женщина? Родословной самых выгодных женихов? Тонкостям этикета? Возможно, подробностям и правилам флирта... Чему научила его собственная мать...

Стоп! Грегори от, неожиданно окатившей его жаркой волны, даже прикрыл на секунду глаза. Он не вспоминал о матери много лет. Что заставило его сделать это? Выведенный из себя подвохом собственной памяти, медленно выдохнув, он с досадой резко отвернулся.

В этот же миг Николь снова подняла голову. Незнакомец уходил, презрительно повернувшись к ней спиной. Ударившее по нервам, словно молния, унижение и сознание собственной никчемности и малодушия, резко оборвало голос девочки, через мгновение затихла и музыка... Гости в замешательстве зашептались.

Хокстоун оглянулся. Девочка смотрела прямо на него, и в ее взгляде было столько вызова, что он остановился и выжидающе приподнял брови.

Элинор непонимающе повернулась к Ингрид, но та не обратила на нее никакого внимания, ее взгляд был прикован к разыгрывавшейся перед ней сцене.

Николь, не отрываясь от глаз Грега, снова, сначала нерешительно, но потом резко опустила руки на клавиши. Музыканты приготовились вступить снова, но мелодия, которую начала играть девочка, заставила их растерянно переглянуться и опустить инструменты. Зазвучала нежное, пронзительное вступление – девочка играла старую шотландскую песню, которую много раз слышала в деревне возле их имения. Отец очень часто брал маленькую дочь туда, где жизнь резко отличалась от привычной ей жизни, она была настоящей, и девочка инстинктивно тянулась к ней. Мать категорически запрещала ей бывать там, потому что по ее мнению общение со всяким сбродом могло испортить и без того неидеальный вкус девочки. Николь стало тянуть туда еще больше. Когда отец уезжал, она тайком от матери, в основном глубоким вечером пробиралась туда и долго бродила среди готовящихся уснуть домов. Эту песню она всегда напевала, когда тоска становилась невыносимой, а пойти в деревню не было возможности. Эту песню она самой первой предложила, когда подбирали репертуар к сегодняшнему вечеру, но мать, а тем более леди Мэдлоу в ужасе захлопали глазами, порицая ужасно простонародный мотив и непростительную страстность песни. Конечно, полного смысла слов Николь действительно не понимала, но зато она видела, как загорались глаза мужчины, к которому с этой песней обращалась поющая женщина. С какой нежностью он смотрел на нее, и как она отвечала ему. Ничего подобного она никогда не видела в своей семье. Это завораживало. Сейчас эта песня полилась рекой, как будто и не требовала участия девочки.

Хокстоун был заинтригован и с полной ответственностью мог заявить, что происходило это не так часто. Резкая метаморфоза, изменившая лицо, сидевшего за роялем ребенка до неузнаваемости, была настолько же неожиданной, как и смена репертуара. Даже голос девочки, бывший еще несколько минут назад просто приятным, в мгновение приобрел настолько теплый и притягательный тембр, что Грегори изумленно заслушался. В то же время смысл песни, в

которой женщина обращается к возлюбленному, так противоречил образу этого хрупкого и невинного ребенка, что на губах маркиза заиграла улыбка.

Эта улыбка окончательно вывела Николь из себя. Упрямо вздернув подбородок, она запела со всей присущей ей и еще неосознанной внутренней страстностью, четко выпевая совсем непонятные ей фразы. В глазах незнакомца запрыгали веселые огоньки, только подзадоривая ее. В конце концов, мужчина, запрокинув голову, шумно расхохотался.

Это стало последней каплей, для наблюдавшей за ними Ингрид. Убедив себя, что взбешена из-за того, что дочь опозорила ее перед гостями, она подскочила к роялю, и резко выдернув оторопевшую Николь из-за инструмента, изо всей силы ударила ее по лицу. Девочка дернулась и, прикрыв пылающую щеку рукой, на мгновение замерла, встретившись глазами с нахмурившимся Грегом. Гости застыли, вместе с хозяйкой и, уже понявшей свою оплошность Ингрид. Она, скользнув походящей на извинения, гримасой, в сторону маркиза, обернулась к Николь, но, девочка, увернувшись, исчезла с лужайки. В этой немой сцене, Грегори, молча, как и собирался, развернулся и направился к экипажу, подметив, что в последнем мятежном взгляде, брошенном на него девочкой, не было ни единой слезинки.

Николь бежала так долго, что не заметила, как покинула границы поместья. Только когда мгла стала практически непроглядной, и на смену ухоженным дорожкам парка пришли заросли рощи, начинавшейся за имением, она остановилась. Жаркий августовский день уступил владения ночи. Девочка присела на поваленную ветку под большим платаном и подняла глаза к небу, видневшемуся среди верхушек деревьев. Звезд практически не было, и луна еще не появилась. Для этого времени года ночь была непривычно темна, словно отражала тень, тяжело лежащую на душе Николь. Впервые за свою, пусть и недолгую жизнь, она сотворила то, чего сама от себя никак не ожидала. Конечно, она не в первый раз сталкивалась с чем-то, чего совершенно не хотела делать. Очень многое из того, что нравилось ее матери, и что она назидательно старалась навязать подрастающей дочери, было совершенно неинтересно девочке. Но ей всегда хватало хитрости и терпения свести все старания леди Ингрид на нет совершенно безболезненно для обеих, и мать на время забывала о ней, пока не заражалась новым веянием. Что произошло сегодня Николь решительно не понимала, как будто в нее что-то вселилось. Она опозорилась сама и неоспоримо опозорила мать. И еще этот мужчина у рояля с его осуждающими серыми глазами Лучшим решением сейчас было бы вернуться на место преступления и покаяться. Но, решив дать своей раненой гордости небольшую отсрочку, Николь откинулась к стволу платана и вновь подняла глаза к небу.

Скорее бы вернуться в имение, к отцу. Она повиниться перед матерью, и все расскажет ему. Он поймет. Он всегда ее понимал. Отец Услышанное сегодня в саду вновь выползло из тьмы. Может ли все это быть правдой? И если да, то знает ли он об этом? Эти старые сплетницы говорили что-то о молодом учителе, который, по их мнению, был ее настоящим отцом. Николь совершенно не помнила его лица. Детские воспоминания оставили ей только его силуэт и то, что он часто играл с ней. Нет. Николь решительно отогнала тревожные мысли. Ее настоящий отец Лайонел Астлей человек, ближе которого никогда не было никого на свете. Так будет всегда.

Глава 5

Грегори не спеша поднялся по массивной лестнице и остановился у входа в кабинет деда. Тяжелые резные двери были приоткрыты, обманчиво гостеприимно приглашая его войти. Но маркиз прекрасно знал – гостеприимности в этом доме никогда не было, и не только для него. В этом был весь характер его деда Филиппа Грегори Хокстоуна восьмого герцога Уотерфорда. Он никогда никого не ждал, никогда никому не был рад и ему совершенно никто не был нужен. Складывалось впечатление, что и прислугу он терпит лишь потому, что это соответствует его положению. Каждый раз, когда Грегори приезжал сюда, он задавался вопросом, зачем он это делает? И, не находя ответа, приезжал снова.

Оттягивая момент приветствия, он заглянул. Дед сидел в высоком кресле возле камина, медленно прокручивая в старческих пальцах набалдашник трости в виде головы волка, и молча, смотрел в огонь. Тогда, много лет назад, его возвращение в Уотерфорд стало полной неожиданностью для всех его обитателей.

Англия, герцогство Уотерфорд, Замок Уотерфорд, 1844 год

Даже если бы не начавшаяся сегодня утром намного раньше суета, ничто не заставило бы Грегори лежать больше в постели. Соскочив с высокой кровати, он быстренько натянул одежду, в которой был накануне, даже не обратив внимания на разложенный в кресле рядом, бархатный костюм, прилежно приготовленный Марлон. По лестнице вверх и вниз сновали слуги. Горничные заканчивали уборку и, получившие напоминание от миссис Лето, улыбаясь, поздравляли мальчика с днем рождения. Грегори, смущаясь, раздавал благодарности, замечая, насколько изменился дом. Всюду были расставлены огромные вазы, наполненные свежими цветами. Даже Паркинс – старый дворецкий был облачен сегодня в совершенно новую ливрею. Присмотрев спускающегося по лестнице Грегори, он вытянулся в струнку, насколько ему еще позволяла больная спина, и важно поприветствовал маленького герцога, коим по трагическому стечению обстоятельств, Грегори сейчас и являлся, за отсутствием других наследников.

– Милорд, разрешите поздравить вас с днем рождения. Сегодня прекрасное утро, милорд! – и, удержавшись от желания погладить мальчика по голове, снова вытянулся в струну.

Грегори постарался придать своему лицу важное выражение, которое, по его мнению, подходило случаю, но не удержался и с задорной улыбкой выскочил во двор. День действительно обещал быть великолепным. Августовский зной еще не успел высушить свежесть утра, в парке на все голоса пели птицы, вторя поздравлениям. Грегори с глубоким вздохом раскинул руки и закружился. Сегодня даже воздух был другим. Но, наверное, если бы сейчас внезапно налетел ураган, и в разгар лета пошел снег, это не испортило бы настроение мальчику. Просто раньше мама, видимо очень скучала по папе, а теперь поняла, что она очень нужна ему, и теперь они всегда будут вместе. Он расскажет ей о том, что любит и покажет свои любимые места, а может даже научит ее ловить рыбу... Грегори повернулся к дому. С величественного фасада здания исчезли траурные венки. Хищный взгляд волка на гербе Уотерфордов больше не перечеркивала черная лента. Неужели ради него в замке намного раньше срока закончился траур? Невероятно... В окне своей спальни на втором этаже появилась мать. Грегори помахал ей рукой совершенно неожиданный для него жест, еще вчера бы он ни за что не осмелился бы даже на попытку обратить на себя ее внимание. Но леди Хокстоун исчезла, не ответив. Отогнав неприятное чувство, что его опять не заметили, Грегори собирался рвануть к конюшням, но на пороге появилась встревоженная гувернантка.

– Грегори! Я настоятельно прошу вас вернуться в вашу комнату и одеться, как подобает, – она окинула красноречивым взглядом наряд мальчика.

Бывали дни, когда Грегори просто на просто игнорировал ее призывы и скрывался в неизвестном ей направлении, но сегодня был особенный день, и мальчик послушно побрел за ней.

Леди Виктория Хокстоун нервно дернула за ленту звонка, чтобы в очередной раз вызвать горничную. Примчавшаяся девушка, быстро оглядев комнату и хозяйку, и не найдя ничего требующего ее вмешательства, вопросительно взглянула на Викторию.

– Мардж, скажи, не вернулся ли посыльный с дороги? – маркиза нетерпеливо уставилась на девушку.

Мардж понятия не имела, вернулся ли посыльный, более того, она даже не знала, что его куда-то посылали. Ей, как и некоторым другим, особо молодым и болтливым особам из прислуги, не было известно ничего о сегодняшнем дне. Прислуга постарше и поопытнее при них помалкивала, дабы не нажать себе неприятностей. Пообещав госпоже все узнать, Мардж скрылась, в душе радуясь, что сейчас ей будет доверена хотя бы часть тайны, витающей над домом, а не только уборка к какому-то торжеству.

Виктория снова подошла к окну, от которого не отходила все сегодняшнее утро. Энтони должен был приехать сегодня, по крайней мере, так было написано в письме, полученном ею неделю назад. «Энтони». Женщина закрыла глаза, томно улыбувшись. Она даст ему то, чем обделила его судьба, богатство и положение в обществе. Конечно, ввести его в высший свет будет не совсем просто, но она постарается применить все могущество, доставшееся ей, когда она выходила замуж за Рональда Хокстоуна. Уотерфорды имели сильные связи, не говоря уже о грозном нраве самого герцога, противостоять которому боялись даже в палате лордов. Рональд, правда, не унаследовал этой черты Филиппа, но могущество Уотерфордов от этого не пострадало, а самой Виктории мягкосердечность мужа была только на руку. Она никогда не любила Рональда, она вообще никогда не любила, пока не встретила Энтони. И теперь ни его низкое положение, ни откровенная бедность не могли остановить ее. Она даст ему все, чего он заслуживает, он даст ей любовь и наслаждение, о котором она только мечтала, по ночам, не признав робких ласк мужа. Не в силах более находиться в комнате, томясь в ожидании, Виктория вышла.

Примерно то же самое испытывал именинник. Наряженный в новый бархатный костюм, он вертелся по комнате как волчок. Миссис Лето не выпускала его из комнаты под самыми разными предложениями. Грегори терпел, не желая испортить сюрприз самому себе, представляя себе, попеременно, то огромный торт, стоящий сейчас посреди зала, то идеально выстроенные ряды солдатиков, которые отец когда-то обещал привезти ему из поездки. Может кто-то в замке помнит об этом?

Сидевшая в кресле миссис Лето, с виду выглядевшая абсолютно спокойной и невозмутимой, на самом деле очень нервничала, поглядывая то в окно, то на мальчика. Ей совершенно точно было известно, что должно произойти сегодня вечером, она была свидетельницей последней встречи маркизы со своим любовником, когда они вместе с Грегори ездили в Лондон за покупками. Может быть, у хозяйки и хватило бы ума не идти на поводу у молодого человека, ведь должна же была она понимать всю тяжесть последствий такого поступка, но любовник был невероятно убедителен. И поэтому, когда несколько дней назад гувернантка прочитала, ненароком брошенное Викторией письмо, из него было ясно видно, что в Уотерфорде грядет катастрофа. Еще более страшная катастрофа могла сегодня случиться в душе этого титулованного, но совершенно брошенного судьбой мальчика, к которому Ханна очень привязалась, с самого первого дня, когда ее привели к трехлетнему мальчугану с любопытными серыми глазами, выглядывающему из-за пышной юбки няни. Сейчас она корила себя за малодушие, потому что у нее не хватило смелости или прямоты напомнить легкомысленной матери о дне рождения ребенка. Или это было тщеславие. Ведь все эти годы она, приняв роль наседки, чувствовала практически гордость от того, что сама заботится о ребенке и какое-то почти неприличное удовлетворение, что в эти несколько месяцев о приближающейся дате никто кроме нее и не вспомнил. В любом случае, в замке готовились отнюдь ни к его именинам, и сейчас Ханна уже считала себя виновной в этом.

Внизу послышался звук подъезжающего экипажа. Невозмутимая гувернантка, практически так же резво подскочила к окну, как и ее подопечный, пытаясь загородить весь проем. Но, то ли проем был великоват, то ли ее тощее тело было не способно на такой маневр, мальчик, просунув голову под ее локоть, выглянул в окно.

Наемный экипаж, остановившийся на подъездной дорожке, был из недорогих и сильно забрызган грязью. Кучер, спрыгнув со своего места, снял с крыши небольшой сундук и, поднеся его к ступенькам, остановился, выжидающе смотря на дворецкого, который хоть и понимал, чего от него хотят, старательно показывал всем своим видом обратное. Парень смачно сплюнул, чем заставил глаза Паркинса округлиться и повернулся к пассажиру.

– Эй, мистер, а кто будет платить? – обратился он к высокому молодому человеку, брезгливо отряхивающему с себя прилипшие соринки.

Энтони Лестчер скривился, как он делал это каждый раз, когда кто-нибудь заводил с ним разговор о деньгах, что случалось с ним довольно часто. Об остатках растраченного им состояния, оставленного матерью, он уже давно успел забыть, в отличие от приобретенных в ранней юности довольно дорогих привычек. Единственное, чем наградила его судьба это подходящая внешность, которая позволяла ему пользоваться расположением богатых покровительниц, и изворотливый ум, помогающий вовремя улизнуть к более «жирной» добыче. Кстати, именно этот ум не так давно подсказал ему, что он, отнюдь, не молодеет, и вскоре за более свежими соперниками самые лакомые кусочки станут исчезать из его меню. Поэтому пришло время найти более надежную, и, желательно, постоянную кормушку. Леди Виктория Хокстоун подвернулась вовремя. Точнее сказать, Энтони пришлось немного помочь случаю свести их. Один из друзей поведал ему в пьяном угаре о своих планах завести шашни с молодой маркизой, на попечении которой по воле стихии, оказался подрастающий герцог, а в придачу и баснословное состояние. Энтони не побрезговал воспользоваться информацией и принял откровения собутыльника, как совет. Осталось только «случайно» столкнуться с вдовушкой в одном из посещаемых ею салонов. Остальное он отдал на волю своей обворожительности и не прогадал. Несколько тайных, безудержно страстных встреч, немного актерского мастерства, и вот он стоял перед фасадом великолепного трехэтажного особняка, настолько величественного, что, на какой-то краткий миг, Лестчер даже засомневался, под силу ли ему это. Но тут двери распахнулись, и на пороге появилась маркиза Лимерик. Энтони быстро состряпал томную физиономию, что было совершенно не трудно, Виктория Хокстоун, вдобавок к богатству, была молода и очень привлекательна, в отличие от многих своих предшественниц, и повеса был на седьмом небе от счастья.

С, еле сдерживаемой, счастливой улыбкой Виктория отдала распоряжение дворецкому расплатиться с кучером, и пока тот с недовольной миной вручал деньги пялившемуся на хозяйку пареньку, сделала пригласительный жест приехавшему. С нетерпением, которое испытывал на самом деле, Энтони взбежал по лестнице и уже собрался заключить благодетельницу в объятия, но она, остановив его, вошла в дом.

Из-за своего небольшого роста Грегори не мог наблюдать всего, что произошло внизу, но увидев приехавшего, поднял взгляд на гувернантку и спросил:

– Мама пригласила гостей на мой праздник?

– Вероятно, Грегори...

Спустя некоторое время, показавшееся Грегори бесконечностью, старший лакей появился с приглашением спуститься вниз. Ханна Лето остановила рванувшего к лестнице мальчика, внимательно оглядела его, стряхнула невидимые ворсинки с плеч и, немного сжав его хрупкими руками, сказала:

– Помните Грегори о том, что Вы герцог Уотерфорд, и ни при каких обстоятельствах не пренебрегайте этим значительным обстоятельством.

Не придавший никакого значения ее словам Грегори машинально кивнул и бросился к двери. Буквально слетев со ступенек, он, вихрем влетев в зал, нетерпеливо огляделся. Ничего из того, что он только что представлял себе мысленно, он не увидел, лишь у окна слева стояла его мать с приехавшим незнакомцем, который при появлении мальчика только немного отодвинулся от маркизы, но так и продолжал обнимать ее за талию. Грегори, не видевший ничего подобного в отношениях матери с отцом, даже несмотря на невинный возраст, сразу заподозрил неладное. Еще сам не зная, что именно он собирается спросить у незнакомца, он уже было открыл рот, но в этот момент, подоспевшая миссис Лето, сделала выразительный жест в сторону дворецкого, который моментально сообразив, что она от него хочет, встал в дверях и как можно громче и торжественнее провозгласил:

– Его сиятельство, герцог Уотерфорд!

Испуг, отразившийся при этих словах в глазах маркизы и, особенно молодого гостя, вызвал удовлетворенное ликование в душе гувернантки. Но вместе с ними в сторону входных дверей метнулся и взгляд мальчика, и сердце Ханны болезненно сжалось. Положив руку на плечо воспитанника, она легонько подтолкнула его вперед и почти неслышно прошептала:

– Помните, милорд, кто есть герцог.

Грегори, наконец, поняв, что только что объявили именно его, выступил вперед и, заложив руки за спину, сделал легкий поклон.

Раздраженная испугом, который вызвало в ней напоминание о возможном возвращении свекра, Виктория, совершенно не к месту, обмахиваясь веером, неестественно расхохоталась:

– Ваше Сиятельство! Ну, конечно ... – она была настолько шокирована звучанием этого титула в отношении своего восьмилетнего отпрыска, как будто узнала об этом впервые. – Грегори, подойди и познакомься... Это мистер Лестчер, – она взяла мужчину под руку и подождала, пока сын подойдет поближе, – он некоторое время поживет в нашем доме.

Грегори вложил ладонь в протянутую ему руку, при этом заметив укоризненный взгляд, которым Лестчер наградил маркизу. Не понимая причины его недовольства, он инстинктивно сжал ладонь «мистера» со всей имеющейся у него силой. Энтони выдернул руку, изобразив подобие улыбки, но выражение, мелькнувшее при этом в его глазах, настолько не понравилось мальчику, что он с тревогой посмотрел на мать. Но Виктория не смотрела на него. Успокаивающе поглаживая Энтони по руке, она подмигнула ему. Мальчик расстроено отвернулся. Сознание того, что у мамы и этого совершенно незнакомого ему человека, могут быть общие тайны, было неприятно, отвлечь ее от гостя, как сделал бы сейчас другой, менее титулованный, ребенок, он не мог, поэтому он просто отошел в другую часть зала, к окну.

Небо за окном, еще недавно бывшее ослепительно синим и безоблачным, сейчас уже казалось совершенно обыкновенным. Чувствуя, как знакомое тоскливое ощущение ненужности холодным червяком вновь вползает в грудь, Грег, сцепил влажные ладони вместе и обернулся к матери. Виктория уже совершенно забыла о присутствии ребенка, как, впрочем, и всех остальных. Энтони с недовольным выражением смотрел в сторону, в то время как она, поглаживая его по плечу, с нежной улыбкой что-то тихо говорила. Обида губительной волной потихоньку заполняла сердце мальчика. Он ждал совершенно другого от этого дня. Зачем мама пригласила незнакомца на его день рождения? Этот день должен был принадлежать только им.

Тем временем Энтони вероятно решил, что пора перестать разыгрывать глубокую обиду и сменил гнев на милость. С театральным вздохом он, наконец, повернулся к Виктории. Маркиза с той же нежной улыбкой положила руки ему на грудь и, заглядывая в глаза, что-то продолжала шептать. Конечно, Грегори не мог даже догадаться, о чем говорила мать, из-за чего взгляд мужчины заметно потеплел, губы растянулись в улыбке. Но нежность, плескавшаяся во взгляде матери, обращенном к чужому человеку, была настолько желанна самому мальчику и настолько недоступна ему, что на смену обиде сама по себе пришла злость. Что такого особен-

ного сделал этот человек для мамы? Чем он был настолько лучше Грегори? Что должен сделать он сам, чтобы в обращенном к нему материнском взгляде отразилось то же чувство?

Наблюдая со стороны в немом оцепенении, Ханна понимала, что Грегори лучше увести к себе в комнату. Но не находила ни единого тому повода. Нервно обернувшись на дворецкого потом на лакея, застывших в неестественно официальной позе, поняв, что помощи оттуда ждать не приходится, вновь обратила взгляд на воспитанника. Мальчик не отрывал глаз от матери, и Виктория, наконец, ощутив этот взгляд, раздраженно, и неохотно убрала со своей талии руки Лестчера.

– Миссис Лето, не пора ли Грегори уделить внимание занятиям?

– Но, ваша светлость! Грегори еще не обедал, – Ханна проглотила вертевшееся на языке восклицание по поводу забытого дня рождения, в то же время, с усилием сжав предупредительным жестом плечо вскинувшегося с возражениями мальчика.

– Грегори может пообедать у себя в комнате, – Виктории явно не терпелось избавиться от сына.

– Но мама, ведь праздник, – не выдержал, наконец, Грег, с таким тоскливым выражением заглянул в лицо матери, что у гувернантки появилось желание разорвать хозяйку.

– Праздник? – Виктория рассеянно скользнула взглядом на сына, в то время как Энтони вновь притянул ее к себе. Спротивляться она не собиралась.

– Конечно, вспомни вчера, ты обещала сюрприз, – голос мальчика уже начинал подрагивать.

– Пойдемте, Грегори, – Ханна осторожно, но настойчиво потянула мальчика в сторону лестницы, но Грегори, дернув плечом, вновь обратился к матери.

– Сюрприз, – Виктория, купаясь в лучах сладострастной улыбки любовника, соображала очень медленно, – сюрприз будет позже, Грегори

Мальчик оставался на месте, не желая мириться с происходящим, еще какое-то время, но поняв, что на него не обращают внимания, уныло посмотрел на гувернантку. Та, с высоты своего немаленького роста смотрела на него так невозмутимо, что сначала мальчик собирался так же уныло поплестись к себе, но тут внутри него неожиданно настойчиво прозвучал тихий голос миссис Лето: «Помните, Грегори, кто есть герцог!» Мальчик гордо вскинул голову и торжественно стал подниматься по лестнице. Он не видел, сколько гордости вызвал этот его жест во взгляде Ханны, к счастью он так же не видел, что его мать, таявшая в объятиях проходимца, этот демарш просто не заметила.

Голос, раздавшийся со стороны парадной, стал неожиданностью для всех. Застывшие в немом неверии лакей и дворецкий, гувернантка с таким же выражением на лице, машинально выгалкивающая на передний план растерянного воспитанника, недоумение, а затем выражение ужаса на лице леди Лимерик, отскочившей от любовника, как от раскаленных углей, – вот картина, которая предстала перед глазами, стоявшего в дверях мужчины.

Первым звенящую тишину разорвал бросившийся вниз Грегори.

– Дедушка это ты, ты вернулся?! – мальчик с разбега чуть было не уткнулся в пыльную одежду деда, но все-таки остановился в шаге от него, повинувшись привычке, и только с неподдельным счастьем заглянул ему в глаза. – Мама, это тот сюрприз, о котором ты говорила? – он в порыве радости подбежал к ошалевшей матери и, схватив за руку, стал тянуть за собой. – Мама, лучшего подарка на день рождения я и не мог представить!

Маркиза в состоянии, близком к истерике, резко выдернула руку.

– Грегори, да о чем ты, во имя господ, все время говоришь?! Какой день рождения? – она готова была разорвать все и всех вокруг от внезапного понимания того, что все ее планы безвозвратно рухнули.

– Но мама... – мальчик растерянно смотрел на мать, остановившись между ней и дедом. – Мой день рождения. Ты вчера говорила. Я подумал, – злая правда, вливаясь в маленькую душу,

все-таки не смогла выжечь радость от возвращения деда и мальчик, сглотнув слезы, повернулся к осунувшемуся, в потертой одежде похожему на бродягу, герцогу.

– Дедушка, а папа? – в вопросе ребенка было столько непререкаемой надежды, что даже у герцога, славившегося своей жестокой прямолинейностью не хватило духа сказать правду прямо сейчас.

– Маркиз Лимерик передал тебе подарок, держи – с этими словами герцог достал из кармана солдатика и, протянув его мальчику, вложил в раскрытую ладонь.

Грегори осторожно провел пальцем по потемневшему дереву. Краска почти слезла.

– Он тонул вместе с папой и тобой? – мальчик серьезно посмотрел на деда.

– Да, и с сотней своих товарищей. Спаси, к несчастью, удалось только его, – так же серьезно ответил Филипп. – С днем рождения, Грегори. А сейчас иди к себе в комнату, – дед выразительно посмотрел на гувернантку, – мне нужно поговорить с твоей матерью, а позже мы отметим твой день рождения.

Грегори нехотя стал подниматься по лестнице, зажав в руке солдатика.

– Может, не будем расстраивать ребенка, – подала голос готовая упасть в обморок от напряжения Виктория, – он и так очень долго ждал своего праздника, – сейчас она была готова на что угодно, лишь бы ее воспаленный мозг получил отсрочку и нашел выход из положения.

– А мне показалось, мадам, что минуту назад, когда я появился, вы совершенно не беспокоились по этому поводу. – Филипп устало прошел по комнате к камину.

Моментально отреагировавший лакей вмиг придвинул к камину большое кресло, в котором обычно сидел герцог, и которое было убрано по приказу Виктории.

– Но вам необходимо отдохнуть, – маркиза судорожно цеплялась за предлоги.

– Я тронут вашим беспокойством о моем здоровье, – знаменитый сарказм Уотерфордов заполнил комнату, – но прежде я хочу познакомиться с молодым человеком, – герцог положил руки на подлокотники кресла, даже не удостоив взглядом пытавшегося слиться со стеной Лестчера.

Глава 6

Что было дальше, Грегори мог только слышать из своей комнаты, потому что гувернантка, предчувствуя грозу, буквально толкала его в спину, чтобы ускорить его шаги. Дед не кричал никогда. Обычно его, по природе громовой голос, был достаточным стимулом к немедленному повиновению. Он и сегодня не кричал. Но тон, которым он прервал истерический визг невестки, в отчаянии пытавшейся проверить изречение, что лучшее средство защиты это нападение, был настолько зловещим, что Ханна тихо перекрестилась, отвернувшись от воспитанника. Через пару минут хлопнула входная дверь. Грегори, испугавшись сам не зная чего, резко подскочил к окну. Только увидев, как мистер Лестчер, оглянувшись, совершенно один, пешком, покинул Уотерфорд, мальчик понял, чего боялся, что мать уйдет с ним.

Вслед за тяжелыми шагами деда, поднявшегося в свои покои, послышались легкие быстрые шаги Виктории, хлопнула дверь ее комнаты, находившейся далее по коридору. Потом еще долго слышались звуки разбрасываемых предметов, несколько раз по коридору пробежала горничная, в конце концов, послышались судорожные рыдания маркизы.

Ханна с опаской посматривала на своего воспитанника. Грегори так и стоял у окна с тех пор, как уехал Лестчер, отвечая на попытки гувернантки заговорить с ним односложно и неохотно. Она прекрасно понимала, что Грегори слышал практически все, что произошло внизу, и даже если не все понял, у него было достаточно причин впасть сейчас в глубокую отрешенность, если у детей это называлось именно так.

Грегори, сначала обрадовавшись, что мама осталась и все теперь так как прежде, и что вернулся дед, теперь, слушая истеричные, терзающие его юную душу рыдания, медленно впадал в пугающее безразличие. Да, все будет как прежде. Дед вернется к исполнению обязанностей герцога, как всегда высокомерный и недоступный. Мама. Почему-то мальчику сейчас стало совершенно все равно, что она будет делать дальше. Из их разговора с дедом, если то, что произошло внизу, можно было назвать так, он понял, что она опозорила семью, предала папу. Что значило грозное словосочетание «опозорила семью» Грегори до конца не понимал, но вот слово «предала» он понимал превосходно. И сейчас ее слезы почему-то совсем перестали трогать его.

Так же молча, мальчик направился к двери. Миссис Лето, вскочив из кресла, рванула ему наперерез, но Грегори, подняв на нее взгляд, посмотрел так, что та, растерявшись, отступила.

– Я выйду ненадолго в парк. Я думаю мне позволено это в мой день рождения? Грегори все-таки решил дать объяснения, и, увидев, что Ханна потянулась за шалью, уточнил. – Один...

Мальчик вышел. Ханна еще несколько секунд тупо смотрела в закрытую дверь. И в эти короткие мгновения, женщина поняла, что ее воспитанника, такого Грегори, каким она его привыкла видеть, сегодня не стало, и тихое спокойствие, с которым это превращение произошло, пугало ее особенно. Она знала, что тяжелый «уотерфордский взгляд», который ее мальчик сейчас применил по отношению к ней, теперь все чаще и чаще будет посещать эти ясные детские глаза, и постепенно станет безоговорочной причиной всеобщего повиновения, и отчуждения будущего герцога.

Возврата не было Ханна, шаркая ногами, будто постарев на много лет, подошла к креслу и села. Закрыв ладонями лицо, откинулась на спинку. Она очень давно не плакала. Сегодня можно.

Грегори не просто гулял, он целенаправленно шел туда, где сейчас оказался, возле небольшого пруда в парке, где они с отцом иногда ловили рыбу. Но потом в этом пруду погибла его няня – Эмми, после этого рыбалки прекратились. Отец хотел осушить пруд, но так и не успел. Когда Грегори как-то спросил его, как это могло случиться, отец мрачно ответил, что это была не ее вина. Но на вопрос мальчика так и не ответил, только помрачнел еще больше.

А потом от кухарки он слышал, что Эмми не смогла найти счастья на земле, поэтому ушла на небеса. Видимо и отец, тоже, отправился за ней. Может путь на небеса лежит через воду, ведь море это тоже вода? Нужно только перетерпеть и скоро он будет с отцом и Эмми. А мама когда-нибудь придет к ним, если захочет Грегори разулся и ступил в пруд. Вода была теплой, Грегори сделал еще несколько шагов, мокрая одежда неприятно липла к телу. Оставалось только нырнуть под воду. Это было самым сложным. Пару лет назад, во время рыбалки, он поскользнулся и, свалившись в воду, пытался дышать, пока отец не выудил его на поверхность. Ужасную, раздирающую грудь боль, в наполненных водой легких, он помнил до сих пор. Сейчас, видимо ему предстояло пройти через нее еще раз, уже по собственной воле. Но как раз этой воли ему и не хватало. Попытавшись опуститься, он при первом же прикосновении воды выскочил на берег как ошпаренный. Топнув ногой от сознания собственной трусости, он вновь повернулся к воде, но решительность так и не пришла, осталось отчаяние. Мальчик поднял глаза к небу и заплакал. Сжав кулаки, он плакал от обиды на себя, от того что не нужен никому, от того, что не может пойти к тем кому нужен. Плакал долго и горько пока силы не иссякли, пока усталость не накрыла его спасительной волной и не заставила колени подкоситься. Грегори, свернувшись в клубок на земле, в мокрой одежде, дрожа от вечерней прохлады, провалился в сон.

Англия, герцогство Уотерфорд, замок Уотерфорд, 1863год

– Грегори? знакомый, чуть дрожащий голос, вырвал его из этого сна, только уже совсем в другом, тепер уже реальном времени. Хокстоун обернулся.

Ханна сильно постарела за последние годы, хотя может это и нормально так выглядеть в ее возрасте. Сколько ей может быть лет? Грегори, смотря на свою бывшую гувернантку, поймал себя на мысли, что никогда не задумывался о ее возрасте. «Тогда ей было лет сорок, тепер получается за шестьдесят», подумал Грегори, в очередной раз, убедившись в несуразности своих мыслей сегодня.

– Грегори, Вы смотрите на меня с таким выражением, словно впервые видите. Ханна Лето была единственным из прислуги человеком, которому было позволено обращаться к маркизу по имени. Впрочем, это не Грегори, а она сама себе это позволила, просто не изменив ничего из прошлого, с которым Хокстоун так усердно старался не иметь ничего общего. Когда Грегори, в достаточно юном возрасте, принял решение жить отдельно от деда, она надеялась, что он позовет ее с собой в имение Лимерик, но оперившийся воспитанник не позвал. Она понимала почему. На протяжении нескольких лет после той трагической ночи в Уотерфорде, женщина надеялась, что состояние, в котором прибывает юный маркиз только временное, что его мозг просто выбрал не очень удачную тактику самозащиты, но, увы. Скорлупа отчужденности, которой покрыл себя мальчик, становилась только толще и крепче со временем. Отгородив себя от всего ужасного, что произошло в его детстве, от ранивших его людей, он параллельно отгородился и от всех остальных. И сколько женщина не пыталась пробиться к его сердцу, у нее ничего не вышло. Она просто принадлежала к тому прошлому, которое услужливая память мальчика уничтожила. Ханна осталась в имении герцога.

– Прошу прощения, миссис Лето. Как его светлость? – Грег, прекрасно понимая, что с «его светлостью» все в полном порядке спросил для банального поддержания разговора.

– Со мной все в порядке, – проскрипел из своего кресла, видимо давно молчавший герцог, и, прокашлявшись, добавил. – Что-то я не замечал в тебе огромного желания скорей занять мое место.

Ханна, красноречиво закатив глаза, толкнула створку дверей, и вошла. Грегори вошел вслед за ней. Дед не обернулся, только трость в его руках замерла.

– Грегори, Ваш дед сегодня не завтракал, не обедал и не ужинал, – грозно сообщила Ханна, специально растягивая слова, ожидая реакции Филиппа.

Маркиз же тем временем отметил, что фамильярность Ханны тепер уже распространилась и на деда. Никто и никогда не мог бы позволить себе такого обращения к герцогу Уотер-

форду, а она могла. Дед промолчал. Удивленный немало этим фактом, Грег решил, что сегодняшние странности, видимо, относятся не только к нему.

– Распорядитесь, чтобы подали ужин, миссис Лето, – он прошел вглубь комнаты, – не знаю, как герцог, а я от еды не откажусь, – после неудачного визита в Мэдлоу, он действительно был голоден.

Ханна, удовлетворенно выдохнув, покинула комнату.

– С тех пор, как ты приказал ей остаться здесь, у меня не раз создавалось впечатление, что ты это сделал нарочно, чтобы поскорее dokonать меня, – почувствовав на себе недоуменный взгляд внука, он добавил, – с тех самых пор она принялась за мое воспитание. Знаешь, она относится к тем женщинам, которым непременно нужно кого-то опекать, и, самое главное, что этот кто-то совершенно не обязательно должен давать на это свое согласие.

– Я не приказывал ей оставаться здесь, – только и сказал Грег, несмотря на то, что в голове его совершенно неожиданно возникло лицо женщины, которое он даже не сразу узнал, женщины, которая не относилась к таким, как Ханна. Его матери, которую гувернантка практически заменила. Грегори рванулся к камину и протянул руки – совершенно не оправданный августовским вечером порыв.

Филипп удивленно посмотрел на внука.

– Замерз?

Но Грегори не слышал его. В его глазах полыхали языки совсем другого пламени, пламени сожравшего его детство. Мужчина, резко отпрянув от камина, круто развернувшись, направился к дверям.

– Ты собрался в зал, Грегори? Сомневаюсь, что моя прислуга настолько расторопна, чтобы уже накрыть, – вслед ему, недоуменно нахмурив седые брови, проскрипел герцог.

– Я поужинаю в своей комнате, – из коридора глухо отозвался маркиз.

Громко захлопнув тяжелую дверь своей комнаты, Грег, подойдя к окну, резко потянул узел шейного платка, как будто тот душил его. Открыл тяжелые ставни и судорожно втянул ночной воздух. Мысли в голове метались, как ошалевшие птицы в клетке. Он попытался отвлечься, но выстроенные давным-давно и превосходно служившие все эти годы бастионы памяти неожиданно начали неконтролируемо рушиться, как картонные домики. Как в бреду замелькали картинки, сменяя друг друга. Вот они с отцом у озера, вот он наблюдает за матерью из-под лестницы, мама танцует с кем-то и смеется, ослепительно прекрасная в белом платье. Все хорошо, но память не останавливается на этом Траур в замке, он с Ханной, мама в объятиях Лестчера Грег метнулся к столику и налил себе виски. Залпом осушил стакан и налил еще. Жгучее тепло, разлившись внутри, заставило задохнуться и закрыть глаза, но легче не стало. Алкоголь только расслабил контроль, и охмелевшая память, ухмыляясь, выложила перед ним все то, что он много лет назад завалил камнями забвения. Грег метался по комнате, опрокидывая стакан за стаканом, уже даже не пытаясь понять, почему именно сегодня все это произошло, просто с отчаянием переживая заново страшный пожар, оставивший от левого крыла грозного Уотерфорда одно пепелище, похороны матери, так и не сумевшей в пьяном забытии выбраться из огня. Тогда, стоя в усыпальнице над ее гробом, между Ханной и дедом, он строго настрого запретил себе плакать о ней, и вообще вспоминать о ней когда-нибудь. Заботливая Ханна объяснила ему, что мама ушла к папе, не подозревая, что мальчик расценит это как еще большее предательство, нежели полное равнодушие Виктории на протяжении всей его жизни. Она бросила его – он забудет о ней. И он забыл. И не вспоминал много лет. Что случилось сегодня?

Только через несколько часов, в полном беспомоществе, Грег, завалившись, как был в одежде на кровать, все-таки смог отключиться. Но потоки запретных мыслей о матери, скопившихся за эти годы переродились в уродливые кошмары. Грег, то просыпаясь в поту, то проваливаясь в сон, вновь и вновь с криками, разрывавшими тишину, пытался вырвать мать

из пожирающего пламени, в сознательной жизни уже понимая, что если она и бросила его, то гораздо раньше, а не в ту страшную ночь, когда напившись до беспамятства, устроила в доме пожар, в котором погибла сама.

А в комнате, чуть дальше по коридору, стоя на коленях, со слезами молилась Ханна. Старая женщина несколько раз, слыша, как взрослый, не склонявшийся никогда и не перед кем мужчина, по собственной воле вычеркнувший из своего сердца любое напоминание о нежности, в пьяном угаре зовет мать, несколько раз бегала к дверям его комнаты, но останавливалась. Его превращение из нежного привязчивого ребенка в того, кем он сейчас являлся было быстрым и болезненным. Сейчас этот мальчик, впервые за столько лет пытался вырваться наружу. Она не знала причины, как и он сам. Но даже если завтра, придя в себя после разрушающего действия спиртного, Грег снова замкнется и прикроется каменным панцирем, попытаться все-таки стоило. По крайней мере, теперь она знала, что ее воспитанник не умер тогда, а живет. И появившаяся в броне Лимерика трещина рано или поздно разойдется и выпустит его наружу.

Глава 7

Николь проснулась от резкого треска, послышавшегося рядом. Спросонья не поняв, откуда раздался звук, она поднялась на руках и огляделась. В кромешной тьме ничего не было видно, но неподалеку явно кто-то находился. Сердце колотилось, рискуя выпрыгнуть из груди, заглушая даже ее собственное дыхание. Стараясь не шуметь, девочка поднялась. Звук в темноте повторился и тоже замер. Кто-то следил за ней из зарослей и, зная, природу окрестностей, Николь вполне могла предположить, что это был зверь. Люди редко бродят в лесу по ночам, по крайней мере, добрые. Не зная, чего ей больше стоит бояться, зверя, или человека, который по неизвестной причине не вышел к ней навстречу, а наблюдает из кустов, девочка снова огляделась. Заросли казались такими густыми, что она сейчас даже не поняла как смогла забраться сюда. Вокруг платана, не видно было ни одной тропинки. Николь, подняв голову, прикинула, сможет ли залезть на дерево, но идея оказалась неудачной, ветки располагались довольно высоко.

–Эй! Кто там? – девочка решила, что договориться никогда не помешает, но, тут же, испуганно отпрянула, из кустов раздалось глухое рычание.

Здравый смысл покинул ее вместе со смелостью. И уже не думая об отсутствии тропинки, Николь подалась влево и стала пробираться в темноте через кусты. Зверь двинулся за ней, и спустя секунду она поняла, что он не один. К его дыханию прибавилось еще одно, и еще Справа раздалось уже более отчетливое рычание и ответное повизгивание шакалы. Николь в панике побежала. Кусты, впиваясь в тело, драли кожу и волосы, сердце, выпрыгивая из груди, заглушало раздававшееся ей вслед рычание и тьяканье. От страха и беспорядочного бега голова начала кружиться. Неожиданно, она вырвалась на открытое пространство. Впереди показались огни большого здания. Николь побежала туда. Свора, инстинктивно замешкалась, перед огнями дома, зная, что там может быть опасно, и Николь уже было перевела дух, но тут ей навстречу послышался еще более громкий и многочисленный лай.

Со стороны жилья вырвалась большая стая собак, видимо принадлежавших хозяевам, и Николь замерла, понимая, что попала в ловушку, и только закрыла лицо руками. Обе своры, ошалев от запаха приближавшейся бойни, рванулись навстречу друг другу и закружились вокруг нее. Николь пыталась выбраться, но в бешенстве собачьего визга и лая, клубящейся пыли и клоков шерсти ее очень быстро сбили с ног. Упав, прикрываясь руками, она, наконец, закричала, но крик ее потонул в шуме звериного воя. Раздался выстрел, потом еще один. Шакалы, почуяв перевес на стороне противника, поджав хвосты, стали исчезать в лесу, точнее, те, кто еще мог собаки были намного крупнее и сильнее, и несколько разодранных тушек осталось лежать вокруг все еще свернувшейся на земле Николь. Кто-то подбежал к ней.

– Эй, смотри! Девчушка совсем, видимо из деревни, – кто-то осторожно убрал с ее лица волосы.

– Живая хоть? Вот дура. Чего шляться-то по ночам? – другой, более грубый голос раздался рядом.

Обидевшись, Николь попыталась приподняться, и когда у нее это получилось, откинув спутанные волосы, подняла голову на обидчика, еще не осознав, что на самом деле он является ее спасителем.

– А вы могли бы держать своих собак на привязи! – с вызовом, который в принципе потонул в ее хриплом дрожащем голосе, сказала девочка.

– Смотри-ка, жива! Еще и огрызается. Да если бы не наши собаки, лежала бы ты сейчас вот вместо этих шкурок, – говорящий ткнул пальцем в сторону и Николь, машинально проследив за его движением, в ужасе содрогнулась.

– Ладно, вставай, пойдём, нужно решить, что с тобой делать, – первый обращавшийся осторожно стал поднимать ее с земли. – Знаешь, не особо хочется тащиться сейчас из-за тебя в деревню.

– Мне не надо в деревню. – собралась все рассказать о себе девочка, но, попытавшись встать, громко охнула. Правую ногу пронзила острая боль, и если бы парень не подхватил ее, девочка рухнула бы обратно на землю.

– Что здесь, черт возьми, происходит, Мартинс? – раздавшийся голос был хриплым и резким, и принадлежал стоявшему неподалеку высокому человеку, который в свете огня казался Николь просто великаном.

– Ваша светлость, шакалы подрались с нашей сворой, пришлось стрелять, чтобы разнять их, – Мартинс пошел навстречу хозяину.

– Это я уже понял. Визг и лай стоял такой, что весь дом стоял на ушах еще до ваших выстрелов. А сейчас здесь, что происходит? – он указал на Николь.

– Девчушка из деревни оказалась не в том месте, не в то время. Звери чуть было не разодрали ее, если бы...

– Пусть убирается домой, – мужчина, подняв руку, сдвинул ладонью лоб, будто у него сильно болела голова.

– Но ваша светлость, сейчас ночь, – попытался встать на ее защиту, поддерживающий ее парень, и у нее, кажется, сломана нога.

– Правда, ночь, Рем? А я как-то не заметил, когда меня разбудили! – сарказм в голосе хозяина был настолько злобным, что девочка не выдержала.

– Простите, я как-то даже не подумала, что эти двое не позволив псам разодрать меня, тем самым разбудят вашу светлость, – голос ее все еще дрожал, но это уже не мешало ее раздражению.

Мужчина, уже шедший к воротам, остановился, и как-то неуверенно развернувшись, пошатываясь, подошел к ним. Опустив ей к лицу фонарь, он наклонился. Ноздри Николь обжег резкий запах спиртного.

– Где-то я тебя уже видел, – мужчина поднял фонарь, и Николь изумленно распахнула глаза. Перед ней, еле стоя на ногах, растрепанный и взлохмаченный, предстал свидетель ее сегодняшнего позора.

– А, юная певица? – несмотря на пьяный угар, в котором Грег все еще находился, даже спустя несколько часов беспокойного сна, он почти сразу узнал девочку, скорее даже не саму ее, а непокорный вызов, горящий сейчас на измазанном личике. – Судя по всему, дальнейший диалог с мамашей не удался? – Грег криво усмехнулся, испустив на Николь очередную порцию паров виски. – Ладно, придется предоставить тебе временное убежище. Мартинс, привези врача, – Грег даже не потрудившись помочь девочке встать, пошатываясь, пошел прочь. Впрочем, Мартинс, тоже не обратил на нее внимания, а неохотно побрел исполнять приказ Хокстоуна.

– Ой, как ты измазалась! – воскликнул Рем, и, присев возле нее, попытался ладонью стереть грязь с ее щек, но тщетно. Теперь Николь увидела, что Рем молодой юноша, всего на пару лет старше нее. – Это надо смывать, – разочарованно протянул он, и, по-хозяйски быстро, подхватив ее на руки, пошел к дому. – А ты откуда знаешь маркиза?

– Маркиза? – Николь, не понимая, переспросила, но догадавшись, опустила голову. Значит, она, все-таки, спела для маркиза... Правда не совсем то, что репетировала. Николь тяжело вздохнула. Ей не очень-то хотелось рассказывать первому попавшемуся человеку, да еще и почти мальчишке о своем сегодняшнем «дебюте», – мистера Хокстоуна знает одна наша знакомая, – девочка решила, что такого объяснения вполне достаточно.

– А... – многозначительно протянул в ответ Рем.

Так как хозяин не оставил прямых распоряжений насчет девочки, Рем, немного подумав, все-таки доставил ее в хозяйский дом. Минуту сонного и ничего не понимающего дворецкого, которого тоже выдернул из теплой постели шум произошедшего, он посадил ее на небольшой диванчик в холле.

– Мистер Паркинс, – повернулся он к усиленно пытавшемуся проснуться, давно уже немолодому дворецкому, его светлость велел Мартинсу привезти врача, а пока пусть она посидит здесь.

– Его светлость, маркиз Лимерик, не оставлял насчет молодой леди никаких распоряжений! – Паркинс, тут же вспомнивший обо всей своей собственной значимости, покосился на незваную гостью. Вид у нее был настолько несчастный, что решимость его тут же выставить ее вон, до получения распоряжений от маркиза лично, или от старого герцога, пошатнулась. – Но я думаю, что она может остаться здесь, пока я уточню это.

– Не стоит беспокоить господ, Паркинс, – окликнувшая дворецкого с лестницы женщина, быстро осмотрев Николь, остановила взгляд на ее неестественно вытянутой ноге, – Юноша не мог придумать то, что только что сказал, и, если маркиз Лимерик не уточнил, что девочка может до прихода доктора находиться здесь, то это просто досадное упущение.

С этими словами она спустилась вниз и уже более внимательно пригляделась к ноге девочки. За тем, что произошло за оградой имения, Ханна наблюдала из окна. И то, что Грегори проявил не просто досадное упущение, было для нее ясно как божий день. На протяжении всего вечера она слышала, как слуга периодически менял бутылки по приказу ее воспитанника. Грегори методично напивался, и это было для нее неожиданным и очень неприятным открытием. Никогда ранее, даже спрятанный в своем непробиваемом саркофаге, он не позволил бы себе опуститься до нарушения правил элементарной вежливости.

– Отнеси девочку ко мне в комнату, Рем, и можешь быть свободен, – Ханна проследила, с каким рвением юноша кинулся исполнять распоряжение, и только покачала головой. Под слоем пыли, в рваном платье, неопытный юноша не смог еще пока разглядеть, что девочка совсем ему не ровня. Только многолетний опыт гувернантки способен был сразу определить аристократку. Даже в лохмотьях, с разводами грязи на личике, каждое ее движение выдавало в ней непререкаемое воспитание.

Час спустя, Николь восседала на небольшой кровати миссис Лето, с которой успела познакомиться, пока служанки готовили воду и помогали ей привести себя в порядок. Такое чрезмерное внимание было тягостно Николь. У нее никогда не было личной горничной, все, что она не могла сделать сама, делала горничная матери. И, если бы не причинявшая сильную боль нога, она наверняка попросила бы оставить ее одну. Но теперь, раскрасневшаяся от смущения, она усиленно отводила глаза от сухонького мужчины-доктора, который внимательно осматривал и ощупывал ее ногу от ступни до бедра.

– Ну, что скажете, мистер Уолтер? – стоявшая рядом Ханна, видя, что девочка от смущения готова выпрыгнуть из кровати и сбежать, решила поторопить доктора.

– Скажу, что юная леди не сможет вытанцовывать па некоторое время, – он снял очки, делавшие его похожим на сову и, вложив их в футляр, сложил руки на груди. – Кость не сломана, но вывих сильный, необходимо наложить фиксирующую повязку и, – он, поджав и без того тонкие губы, посмотрел на Николь, – девочке нельзя наступать на ногу несколько дней.

Вынеся вердикт, доктор Уолтер стал методично складывать в свой саквояж инструменты, неизвестно для чего извлеченные им оттуда с такой же методичностью час назад.

– Нужно как-то сообщить маме, где я, – Николь обратилась к миссис Лето, – она находится сейчас в имении Мэдлоу, здесь недалеко.

– Я знаю, – Ханна чуть заметно скривилась при упоминании имени любовницы Грегори, я сейчас пошлю туда Рема. А Вы, доктор, пока сделайте все необходимое. Как зовут вашу мать, деточка?

– Леди Ингрид Астлей, – Николь сейчас уже сильно нервничала перед предстоящей встречей с матерью. Мало того, что она устроила вечером, так сейчас уже наверняка вся округа поднята на ее поиски.

От Ханны не укрылось ее смятение при упоминание о матери, но она, не сказав, ни слова, ушла раздавать распоряжения.

Глава 8

Грег сидел в своей комнате. Туман в голове стал рассеиваться, выставляя все, что происходило с ним накануне совсем в другом, более четком и совершенно невыгодном свете. То, что его память сдалась и вывалила наружу ненужные ему воспоминания, он сейчас уже расценивал, как временную слабость. Разве он не помнил об этом все эти годы? Конечно, помнил, просто запрещал себе думать об этом. Запретит и впредь. У него есть другие, намного более важные дела, например, проверки в поместьях. Вот только, что спровоцировало этот срыв?

Грег прислушался, Ханна только что вышла из своей комнаты. «Ханну не изменить, она как квочка, ей необходимо о ком то заботиться», Грег ухмыльнулся. Хотя, ему это на руку. Если бы не она, ему сейчас бы пришлось уделять внимание его незваной гостье, а это было бы слишком утомительно в его состоянии. Грег задумался, вспомнив о девочке. Как ни странно, но это она. Сегодня образ матери всплыл в его памяти, именно когда он увидел ее. Почему? Потому что ему на какую-то секунду стало жаль ее? Ему жаль? Когда он в последний раз жалел кого-нибудь? Бред.

Проведя руками по волосам, тряхнул головой, желая прийти в себя. Движение отозвалось тупой болью. Грег потянулся к стоявшей рядом на полу бутылке. Янтарная жидкость заманчиво поблескивала в свете пламени камина. Хокстоун осмотрелся в поисках стакана, но кроме трех опустевших бутылок рядом ничего не было. Хрустальный предмет его поисков стоял забытым на каминной полке. Это означало, что все эти бутылки были выпиты без его участия. Грег поморщился в ответ на укол самоуважения, но встать не захотел. Поднес горлышко бутылки к губам и отпрянул. Запах спиртного оттуда сейчас уже не показался ему настолько заманчивым. С досадой поставив бутылку обратно, он откинулся в кресле, закрыл глаза, постарался задремать, но уже через мгновение в очертания его усталого забытья вновь стали вплетаться картинки прошлого. Выругавшись, Грег вскочил и заметался по комнате. Необходимо было отвлечься.

Открыв дверь в коридор, он выглянул, и чуть было не столкнулся со своей бывшей гувернанткой. Женщина, остановившись на расстоянии вытянутой руки, прищурилась и осмотрела будущего герцога, как провинившегося ученика.

– Вы смотрите на меня, Ханна, как на никогда не виданное вами существо, и, к тому же, не очень приятное, – Грег, почему то, вновь ощутив себя мальчишкой, чтобы немного восстановить свой статус, решил прибегнуть к помощи сарказма.

– Грегори, даже если бы я увидела сейчас на вашем месте слона с десятью ногами и неопределенным количеством хоботов, я удивилась бы меньше, – даже не моргнув глазом, парировала она.

– Как точно вы подметили, Ханна, – Грег попытался упереться рукой в косяк, но промазал и еле успел зацепиться за него плечом, чтобы не упасть. – Я примерно тем же себя сейчас и ощущаю.

– Неудивительно, – женщина, заглянув за его спину, выразительно повела бровями в сторону пустых бутылок.

Пожав плечами в ответ, Грег решил перевести тему разговора, благо повод находился чуть дальше по коридору.

– Как наша юная гостья? – Грег кивнул в сторону комнаты Ханны. – Она еще не требовала предоставить в ее распоряжение рояль? – и, наклонившись к гувернантке, тихо добавил. – Знаете, дорогая, она очень любопытно исполняет шотландские любовные песни.

– Видимо в имени Мэдлоу, – не дав ему договорить, замахала, разгоняя спиртные пары, женщина, – куда сейчас поехал Рем за матерью девочки, вообще происходит что-то сверхинтересное, иначе вы не посещали бы его так часто!

Удивленно приподнятые брови воспитанника стали высочайшим вознаграждением ей за язвительную тираду, явно неожиданную и попавшую прямо в цель.

– Так вот! Сейчас приедет леди Астлей, – Ханна отчеканила каждое слово, глядя прямо в лицо маркиза, давая ему прочитать между строк, что ему необходимо принять достойный вид, – не будем же мы беспокоить среди ночи вашего деда, а доктор пока наложит повязку на ногу девочки.

– Повязку? – даже не пытаясь выглядеть искренне заинтересованным, повторил Грегори.

– Да, повязку. Девочка повредила ногу в этой заварухе с псами. Вообще, чудо, что ей удалось остаться живой! – сложив руки в благодарении небесам, провозгласила Ханна.

– Боже мой! – воскликнул Грег. – Сколько псов полегло? – увидев вытянувшееся лицо женщины, Грег внезапно развеселился. – Милая Ханна, поверьте, беспокоиться нужно было как раз за псов, – и на возмущенное выражение лица миссис Лето, ухмыльнувшись, добавил, – видели бы вы ее в гневе!

– Грегори, Вы несете полнейший бред! – показав всем своим видом свое отношение к его словам, Ханна удалилась.

– Возможно, возможно, – Грег потер виски. Голова нестерпимо болела. Спиртное больше не лезло, заснуть не удавалось, да еще эта девчонка со своей мамашей, будь они неладны. Хотя, доктор очень кстати. Грегори никогда не прибегал к помощи лекарств, может пора?

Когда он, как и подобает хозяину, коим он себя всегда ощущал в доме деда, без стука вошел в комнату, первое движение, бросившееся в глаза, резко прижатая к коленям юбка, сидевшей на кровати девочки. Доктор Уолтер, от неожиданности убравший руки при резком движении Николь, неодобрительно глянул на маркиза, и настойчиво приподняв ткань, продолжил бинтовать ногу.

– Прошу прощения, юная леди, – маркиз отвесил ей почти шутовской поклон, – я не хотел вас беспокоить. Грег подошел к окну и, опершись на подоконник, так как его организм отказывался стоять устойчиво на ногах, стал дожидаться, пока Уолтер закончит свое дело.

– Нет, мистер Хокстоун, это я должна просить у вас прощения! – Николь, стараясь не обращать внимания на свою задранную юбку, гордо вскинув зардевшееся лицо, посмотрела прямо в глаза Грегу. Этот человек не очень нравился ей, но элементарную благодарность за гостеприимство еще никто не отменял. – Но поверьте, если бы не шакалы, я бы просто вернулась домой. Как только приедет моя мать, я покину ваш дом, и вы будете вспоминать об этом, как о страшном сне.

Грег кивнул головой, видимо давая понять, что он согласен, но в этом жесте было столько надменной снисходительности, что Николь вся сжалась от досады.

– Кстати о сне, – Грег обратился к доктору, – вы не могли бы дать мне этот ваш знаменитый порошок, который Вы даете деду, когда у него бессонница?

– Лауданум? – мужчина в изумлении приподнял очки, – мистер Хокстоун, вас что-то беспокоит?

– Да! – раздраженно бросил Грег, – меня что-то беспокоит! Заканчивайте же, доктор! – гаркнул он, увидев, что Уолтер, кажется, забыл про ногу девочки.

Доктор Уолтер не первый год бывал в доме Уотерфордов и прекрасно знал жесткий характер его титулованных пациентов. Сейчас инстинкт самосохранения Уолтера забил тревогу, таким странно неуравновешенным он видел маркиза впервые. Поэтому, поскорее закончив с ногой пациентки, он извлек из своего саквояжа маленький пакетик с зеленоватым порошком и протянул Грегори.

– Это нужно обязательно разделить на две части, – Уолтер внимательно посмотрел на маркиза. Грегори был пьян, и это могло непредсказуемо усилить действие снотворного, но подумав, не стал вдаваться в подробности и просто добавил. – Если принять большее количество, воздействие может быть не совсем таким, как вы ожидаете. Ну, а вам, девушка сове-

тую соблюдать все то, о чем я тут вам рассказывал, и обязательно показаться доктору через неделю, – он коротко кивнул маркизу, при этом еще раз, взглядом оценив его состояние, и явно обеспокоенный увиденным, вышел из комнаты.

Грег, понимая, что вышел из себя по причине, которую сейчас даже не мог сформулировать, озадаченно смотрел на закрывшуюся дверь. Громкий вздох рядом напомнил ему, что в комнате он не один.

Девочка сидела, подтянув покрывало к самому подбородку и смотрела на него огромными, настороженными глазами.

– Я сейчас позову миссис Лето, она побудет с Вами до приезда матери, – Грегори почему-то стало очень не по себе под этим взглядом.

– Не нужно никого беспокоить, – Николь действительно не хотела никого видеть, ей нужно было собраться с мыслями перед приближающейся встречей. – Я вполне в состоянии сама о себе позаботиться, она сказала это только для того, чтобы ее оставили в покое, и никак не ожидала, что он воспримет это, как вызов.

– Ну, конечно же, юная леди, которая только что участвовала в такой битве, вполне может обойтись без чьей-либо помощи, – он обогнул кровать и бесцеремонно уселся рядом. – Кстати, последние полчаса меня мучает вопрос, на чьей стороне Вы бились, за шакалов или за собак? – неизвестно, чего он хотел добиться этой неуклюжей шуткой, но в ответ получил, только, полный негодования взгляд. – Ну ладно, юная леди, я может, в данный момент, не произвожу впечатление достойного собеседника, но не стоит на меня так смотреть!

– А я, мистер Хокстоун, может и произвожу впечатление «юной леди», которая никак не сходит с вашего языка, на самом деле не настолько уж юна! – неожиданно для себя огрызнулась Николь, тут же сжавшись, понимая, что находится не в самом выгодном положении.

– Да что вы? – Грег свысока глянул на сидящего рядом ребенка и, сложив руки на груди, ухмыльнулся.

Наверное, если бы не тупая головная боль, сжавшая мозг в тисках, он по достоинству оценил бы отпор девочки, причем со знанием дела. Сейчас его хватило только на эту кривую гримасу, но, тем не менее, он был заинтересован. Мало кто, исключая Ханну, деда, и его немногочисленных друзей, мог позволить себе не пасовать перед маркизом Лимерик. Подобную непочтительность к сословным привилегиям он мог видеть разве что среди деревенских детей, далеких от светских условностей, живых и настоящих. Но девочка воспитывалась отнюдь не в таких условиях, а если вспомнить ее мать, то правила этикета должны быть так глубоко вбиты в юную головку, хотя бы из соображений выгодного будущего, что без оглядки на мнение общества это создание не должно было и подумать то, что сейчас говорила.

– Ну и насколько же вы не юны, мисс Астлей? – Грег списал несвойственную для себя бестактную разговорчивость на остатки алкоголя, и вообще, вдруг, предпочел не давать объяснения странностям своего поведения сегодня.

Девочка, сцепив руки, тут же отвернулась, но даже в это короткое мгновение, Грег успел заметить, как вспыхнули ее щеки. Он, конечно же, не мог знать, что в этом вопросе ее насторожило именно упоминание ее фамилии. Расшалившиеся нервы Николь намекали, что, о ее возможной тайне знают все вокруг. Повисло ожидающее молчание.

– Мне достаточно много для того, чтобы назвать ваш вопрос, по крайней мере, бестактным! – девочка говорила резко, отрывисто, как будто защищалась, но выходило это у нее так забавно, что мужчина снова заулыбался, и в очередной раз свысока осмотрел ее, что-то в этом хрупком, совершенно незнакомом создании нравилось ему, вызывало уважение.

– Простите, мисс, да вы никак отчитываете меня? – разговор нравился ему все больше, по крайней мере, он отвлекал.

– Ну что вы, Ваша Светлость! – в притворном ужасе воскликнула Николь, и презрительно скривив губы, добавила. – Разве такое возможно в высшем обществе?

Слово «высшее» было произнесено с таким отвращением, что на этот раз Грег действительно был удивлен.

– А вы, Николь, как мне кажется, не питаете особого уважения к обществу, к которому в принципе, извините, что напоминаю, сами принадлежите?

– Совершенно верно, принадлежу, – девочка смиренно кивнула. – Я как будто чужая здесь. Но вы, мистер Хокстоун, уж точно сможете мне ответить, что такого чудесного в этой сомнительной привилегии? – Николь повернулась к собеседнику и заглянула ему в глаза.

Грег не смог ничего ответить. Когда-то, очень давно, его предки решили за него, что их род будет частью этой элиты, и он принимал все, что ему полагалось, даже не задумываясь. Сейчас он только смотрел в глаза Николь, изумрудные от волнения, и удивлялся, почему этот вопрос он никогда не задавал себе самому. Все ведь было очевидно, что в принадлежности к высшим сословиям было множество неоспоримых привилегий. Почему же эта девочка считает их настолько недостойными или ничтожными? Грег довольно долго смотрел на нее, но единственная связанная мысль, пришедшая сейчас ему в голову, отмечала необыкновенно красивые глаза собеседницы.

А за дверью, притаившись, как мышь, невольно, о том же самом задумалась миссис Лето. Она подошла к двери буквально сразу, как только услышала, что отъехал экипаж Уолтера, собираясь отправить Грега привести себя в порядок, и принять на себя на время обязанности компаньонки девочки. В отличие от своего двадцатичетырехлетнего воспитанника, видевшего в госте всего лишь девочку подростка, Ханна видела в ней подростка девушку и обязана была соблюсти правила приличия. Неизвестно, какой скандал, может учинить мамаша девочки, обнаружив ее наедине с взрослым мужчиной. Но, подойдя к двери, стала нечаянным слушателем происходящего в комнате разговора и была удивлена, и скорее, приятно. Она уже очень давно не слышала, что бы Грег разговаривал так. Она пока даже не могла точно сформулировать «как», но под налетом привычной надменности и даже грубости, сейчас слышались насмешливые теплые нотки, как будто разговор доставлял ему удовольствие. И ей совершенно не хотелось относить это насчет чрезмерно выпитого.

В комнате же Грег, почувствовав, что снова ступает на зыбкую, беспокоящую его почву размышлений, просто решил сменить тему.

– Мы отвлеклись, – он прикрыл глаза, ощущая как усталость потихоньку вытесняя головную боль, берет свое. Видимо, разговор отвлек его, возможно теперь у него получится заснуть. Скорее бы приехала мать девочки, и он сможет, наконец, принять порошок. – Я оставлю вас ненадолго, мне необходимо уйти.

Грег довольно резко встал и, стараясь идти как можно вернее, вышел в коридор. Ханна с невозмутимым видом стояла возле двери.

– Фу, Ханна, – театрально скривился он, – и эта дама когда-то наставляла меня, что подслушивать нехорошо! – и не дожидаясь возражений, которых, впрочем, и не последовало бы, побрел к себе.

Глава 10

Если бы это помогло, Ингрид побежала бы впереди экипажа. Когда из имения герцога прибыл посыльный, она была на грани срыва. Нужно уточнить, что ее нервное напряжение было обусловлено отнюдь не отсутствием дочери. Через час после ее исчезновения внушительный отряд из служащих поместья Мэдлоу, был отправлен на ее поиски, и баронесса была уверена, что в ближайшее время, кто-то из них наткнется на нее, сидящую где-нибудь под деревом. Она достаточно хорошо знала свою дочь, но ее сегодняшний демарш, она не могла ожидать. И теперь вся эта суега вокруг ее исчезновения, мешала ей сосредоточиться на тех мерах, которые требовались, чтобы срочно залатать ту дыру, которая образовалась в ее точно просчитанном плане. В конце концов, на эту ночь у нее были совершенно иные виды. Ингрид была готова растерзать Николь, как только она будет найдена.

Но дочь преподнесла ей неожиданный сюрприз, за который Ингрид простила ей все проступки, бывшие и будущие. Она умудрилась каким-то образом оказаться возле поместья, в котором находился Хокстоун, повредить ногу, тем самым выписав ей пригласительный билет в этот дом. И теперь она ехала туда.

Экипаж въехал в ворота поместья и под колесами зашуршал гравий подъездной дорожки. Ингрид с трудом остановила себя, чтобы не выскочить из экипажа, не дождавшись помощи слуги, но оказавшись на ступенях дома, все-таки, невольно, ускорила шаг почти до бега.

– Леди, вам не стоит так волноваться, – громко сказал ей вдогонку Рем, отнеся спешку женщины насчет беспокойства, – ваша дочь в полном порядке.

Но Ингрид не обратила на него внимания, ровно, как и на открывшего уже было рот дворецкого, и, безошибочно определив, где могут находиться комнаты хозяев, стала быстро подниматься по витой, устланной ярко-изумрудным ковром лестнице. Старина Паркинс, потерпев очередное унижение собственного достоинства, только сильнее вытянулся.

– Прошу вас сюда, леди Астлей, – возникшая, словно из ниоткуда, худая и прямая, как палка женщина, была совершенно не тем, кого ожидала увидеть Ингрид, но ей все-таки удалось состряпать любезную улыбку. Женщина повела ее за собой. Войдя в комнату, баронесса, мимоходом оглядевшись, подошла к Николь.

– О, моя бедная девочка! Как ты? – убедившись, что травма настоящая, Ингрид, повернулась к стоящей за спиной Хане. – Я бы хотела лично поблагодарить хозяина за помощь и гостеприимство, оказанное моей дочери.

– Это невозможно, – отрезала Ханна, почувствовав при виде резко прищуренных глаз баронессы, еще большую неприязнь, чем в тот момент, когда ей показалось, что нога дочери ее волнует очень мало, но объяснила, – его сиятельство, герцог Уотерфорд, спит и тревожить его ночью нет никакой причины.

Ингрид привстала, собираясь не дать этой, по всей видимости, зазнавшейся прислуге, стать на ее пути сейчас, когда судьба неожиданно подкинула ей козырные карты, но остановилась.

– Вы сказали, герцог? О, нет! Я, конечно же, не собиралась тревожить его сиятельство! – Ингрид всеми силами старалась не выдать своего нетерпения. – Мне сказали, что в спасении моей дочери участвовал маркиз Лимерик, – она мельком покосилась на издавшую при этом странный, давящийся звук, Николь, и в ожидании уставилась на миссис Лето.

– Мистер Хокстоун действительно собирался встретиться с Вами, леди Астлей. Он сейчас в своей комнате, я провожу вас.

– Совершенно не стоит этого делать, моя дорогая, я справлюсь сама, – терпение подвело Ингрид, и она, буквально отодвинув женщину в сторону, шурша юбками, вынеслась в коридор, игнорируя восклицание Ханны. – Побудьте с моей дочерью пока, – обострившееся в условиях

близости вожаденной добычи чутье, безошибочно нарисовало под ногами Ингрид невидимую тропинку, указавшую дорогу в комнату маркиза. Остановившись возле двери, огляделась в поисках зеркала, досадливо поджала губы, быстрым движением поправила прическу и, чуть тронув кулачком дверь, вошла.

Когда открылась дверь, Грег даже не отреагировал. Он стоял, опершись обеими руками о кресло, и пытался сохранить равновесие, чтобы не упасть. Перед тем, как переодеться, чтобы встретить и тут же проводить эту треклятую баронессу, он некоторое время в раздумье крутил в пальцах пакетик, полученный от Уолтера. Его, не совсем еще отключившийся мозг, уже понимал, что его следовало принять чуть позже и все-таки в таком количестве, в котором рекомендовал доктор. Но это было уже неважно. Сейчас единственно важным представлялось дойти до кровати. И пусть баронесса идет к черту вместе со своей дочкой. Хотя девочка, пожалуй... Все-таки странно, как баронесса умудрилась воспитать такое непохожее на себя создание. Грег почти застонал. Теперь не только тело, но и собственное сознание начинало чудить. Какое ему дело до девчонки. Мысли, как кишасшие насекомые расползались в разные стороны, неприятно шелестя в его мозгу. Мужчина обхватил руками голову, как будто боялся, что она непременно расколется, если он не сделает этого, но, потеряв опору, резко отклонился назад, рискуя упасть.

Ингрид, войдя, замерла в восхищенном изумлении. Таким она видела Хокстоуна только в своих мечтах. В мечущихся от пламени камина отблесках, он стоял боком к ней. Расстегнутая сорочка, закатанные до локтя рукава, открывали жадному взгляду скульптурное тело, и то, что так жаждала получить Ингрид, настолько превосходило ее ожидания, что она не сразу заметила, что мужчина не в себе. Только когда он покачнулся, она сообразила, что он сейчас попросту упадет.

– Мистер Хокстоун, – Ингрид, сделав несколько быстрых шагов вперед, попыталась подхватить его, но если бы мужчина не удержал равновесие сам, упала бы вместе с ним, мощное тело, отказывающееся повиноваться хозяину, было для нее непосильно тяжелым.

Грег, услышав свое имя, вынырнул из пучин беспамятства, в которое начинал погружаться под действием влитого в себя спиртного, приправленного чудодейственным зельем. Он поднял тяжелую голову, пытаясь разглядеть источник голоса, и скривился, «женщина». Лицо, проявляющееся сквозь обрывки ускользающего сознания, было знакомым и вызывало почему-то неприятное ощущение. Черные волосы, обрамляли удивительной красоты лицо, в размытом видении белоснежная кожа мерцала. Женские, довольно сильные руки обнимали его. Маркиз зажмурился, пытаясь либо прогнать, либо четче разглядеть галлюцинацию и снова открыл глаза. Она не исчезла, но изменилась. Стоящая перед ним, с настороженным взглядом протягивающая к нему руки женщина, была ему знакома еще больше. Огненно-рыжие волосы, собранные в затейливую прическу, огромные глаза, неотрывно смотрящие на него. «Мама» – пронеслось в воспаленном мозгу, и с усилием разомкнув глаза, Грег посмотрел на нее.

То, что Грегори пьян в стельку, Ингрид поняла сразу, как только приблизилась к нему. Сейчас она уже быстро просчитывала, насколько ей это на руку. Маркиз продолжал стоять, опершись о кресло, и смотрел на нее странным, затуманенным взглядом.

– Не знала, что вы настолько уважаете спиртное, маркиз, – женщина медленно, словно боясь спугнуть удачу, прошла к камину, взгляд Грега последовал за ней. – Может, вы предложите мне чего-нибудь выпить?

Не дождавшись ответа, Ингрид снова повернулась к нему. Грег смотрел исподлобья, глаза были совершенно шальными. Что-то все-таки было не так. Он как будто не понимал, что происходит и где находится. И тут взгляд ее упал на небольшой пакетик, валявшийся рядом с недопитым бокалом. Зеленовато-серый порошок, рассыпанный вокруг пакетика был очень знаком ей. Ингрид довольно часто прибегала к его помощи, что бы любовник заснул ни с чем, а утром даже не подозревал, что его вновь одурачили, а точнее одурманили. Однажды она попыталась проделать то же самое с мужем, но утром ее тихий и спокойный барон четко дал ей понять, что

этого делать не стоит. Теперь Ингрид, приподняв в удивлении брови, уже более внимательно оглядела Грегори.

– Лауданум? Ну, ты просто сам мне помогаешь, дорогой! – восхищенно прошептала она. Если прикинуть дозу принятого порошка, то сейчас Грег совершенно ничего не понимал. Любой другой на его месте уже давно впал бы в мертвецкий сон. Мощное, великолепное тело Хокстоуна еще сопротивлялось. – Сегодня судьба, все-таки, на моей стороне, – Ингрид стала медленно наступать.

Женщина перед ним менялась, с пугающей молниеносностью. Видение матери исчезло, теперь Грегори усиленно пытался заговорить с той, что осталась, но голос отказывался повиноваться. В последней попытке сознательного движения, Грег поднял руку, желая дотянуться до призрачной гостыи, но реальность закружилась вокруг него, и он уже почти не почувствовал, как этот призрак, подхватывая его, изо всех сил дотягивает его до кровати. Дальше, проваливаясь в черную, вязкую бездну, он, сквозь тяжелые пески забытья, ощущал, как ловкие руки снимают с него одежду, влажные губы, жадно впиваясь, скользят по лицу, шее, груди, и никак не мог определить, хочет он этого или нет. Пропасть, в которую он летел пугала, и Грег, инстинктивно, сжал, льнувшее к нему, жаркое тело.

– Пожалуй, мне тоже стоит поблагодарить мистера Хокстоуна, а заодно и поторопить маму, – Николь, спустя несколько минут, стала сползать с кровати, – мы и так достаточно затруднили вас, если вам не трудно, помогите мне, еще немного, – она виновато посмотрела на явно нервничающую женщину.

– Вы нисколько не затруднили нас, милая, – чувствуя на самом деле совершенно обратное, особенно по отношению к ее бесцеремонной мамаше, возразила Ханна, и сейчас, под скептическим взглядом девочки, потрясенно поняла, что краснеет.

Но потерять шанс ускорить отъезд этой парочки не хотела и поэтому, проигнорировав укол совести, решительно подхватила Николь.

Путь до дверей комнат маркиза занял достаточно времени, что бы обе устали. Николь действительно испытывала острую боль, а Ханне было, все-таки, не под силу практически тащить на себе даже такое хрупкое тело. Отдышавшись, миссис Лето постучала. Ответа не последовало. Она постучала еще раз. Результат тот же. В комнате было тихо.

– Возможно, мистер Хокстоун вместе с вашей матушкой спустились в холл, – Ханна прикинула, что спустить девочку вниз по ступеням, она точно не сможет, значит, нужна подмога. – Обопритесь о стену и постарайтесь не упасть, я сейчас приведу кого-нибудь, – она подождала пока Николь достаточно, по ее мнению, устойчиво устроится у стены и пошла вниз.

Раздавшихся из комнаты тихих звуков она уже не услышала. Тихий мужской стон и быстрый шепот ее матери слышала только Николь. Поддавшись моментальному порыву, девочка протянула руку и толкнула дверь. Та, с легким скрипом, распахнулась и вид полуобнаженных тел, сплетенных на большой кровати, заставил Николь тихо вскрикнуть.

– Мама! – она так и замерла с рукой у рта, ощущая, как липкое чувство отвращения заполняет душу, даже не понимая всех подробностей того, что здесь сейчас произошло, или только должно было произойти. – Мама, как ты могла? Как же отец?

Ингрид, впопыхах пытаясь привести хотя бы в какой-нибудь порядок расстегнутый лиф платья, соскочила с кровати.

– Что ты, черт побери, тут делаешь, мерзавка? – она дрожащими руками пыталась застегнуть крючки на спине, что естественно ей не удавалось, – сейчас же убирайся и жди меня внизу, зашипела она, но тут же замерла в ужасе.

– Нет, женщина, это я спрашиваю, черт побери, что ты тут делаешь? – не такой уже громовой, но от этого не менее зловещий в ночной тишине дома голос, заставил ее превратиться в столп, забыв на секунду о непотребном виде, в котором она сейчас находилась.

Старый герцог, в ночном халате, стоял рядом с ее дочерью, опершись на трость. – Что вообще здесь происходит? – он перевел гневный взгляд из под седых насупленных бровей сначала на Николь, в ужасе прижимающую ладони к мокрым щекам, а затем на появившихся в коридоре Ханну и Рема.

– Я хочу знать, что происходит в моем доме?! – так же зловеще, цедя сквозь зубы каждое слово, повторил Филипп, остановив свой вопросительный взгляд, наконец, на Ханне.

– Ваше сиятельство, – женщина подалась к комнате, собираясь все объяснить герцогу, но так же замерла при виде прижимающей к груди платье Ингрид, и пытающегося подняться на подушка Грега. С такой же, правда, более заинтересованной физиономией, у нее за спиной застыл Рем.

– Я хотела поблагодарить маркиза, а он набросился на меня, – запинаящимся голосом начала выпутываться Ингрид. – Видите, он невменяем?! О, боже, он погубил мое честное имя!

Из обращенных к ней, только на лице дочери мелькнуло доверие, девочка обратила залитые слезами глаза в сторону ворочающегося на кровати мужчины. Все остальные, как отметила в панике баронесса, особенно эта старая карга, презрительно оглядев ее совершенно не испорченную одежду, скептически молчали.

Немая сцена продолжалась недолго. Николь, так и не разобравшись в происходящем, но не в силах держать в себе рвущуюся наружу истерику, бессильно сползла по стене, смотря на мать. Рем, как по команде подхватил ее.

– Что ты скажешь папе? – и, вдруг, вспомнив слова, подслушанные в саду, про увлечение ее матери «великолепным Хокстоуном», осознав источник беды, посмотрела на маркиза. – Это все вы, с вашим «высшим обществом», – рыдания заглушили слова.

Последними крупинками ускользающего сознания Грег подхватил эти рыдания. Он снова попытался прийти в себя, но все, что осталось у него в памяти, прежде чем он окончательно провалился в забытие, были удивительного цвета глаза, от слез, переливающиеся, как покрытая росой, весенняя листва, но смотрящие на него с невыразимой ненавистью.

Глава 11

Франция. Альен. Закрытый женский пансион Сен Ижен. 1868 год.

Николь ладонью бережно разгладила ткань, и без того, безупречно заправленного покрывала. Это движение она делала в последний раз, по крайней мере, в этой комнате. Эмили, тихо поскрипывая пером, что-то писала за столом в углу, машинально убирая со щеки мешающий завиток светлых волос, настолько сосредоточившись на письме, что этот простейший жест ей никак не удавался, и назойливый раздражитель оставался на месте. Николь, улыбнувшись, подошла к подруге и легким движением заправила выбившийся локон за ухо. Эмили, искоса взглянув на нее, закончила писать и протянула листок бумаги.

– Здесь я написала адрес и, по-моему, подробнейшее описание, как можно меня найти, и, заметив, что Николь собирается опять все отрицать, быстро ее опередила, – Я не утверждаю, что тебе обязательно это понадобится, я просто на всякий случай даю тебе свой адрес. В конце концов, ты же собираешься мне писать?! – с этим восклицанием она всучила листок в руки сомневающейся подруги и, выжидая, уставилась на нее.

Конечно же, Николь собиралась ей писать. По-другому просто и быть не могло. За пять лет, которые они прожили в этой комнате вместе, Эмили стала для нее очень близким человеком, наверное, даже родная сестра не могла бы соперничать с ней в этом. Две совершенно разные внешне девушки. Эмили, со своими светлыми волосами, сливочной кожей и голубыми глазами, была похожа на ангела, тем более что казалась такой же невесомой, из-за хрупкого телосложения. Николь, за последние пару лет, неожиданно быстро подросла и сама себе казалась неуклюжей дылдой. Черные, как смоль, совершенно неуправляемые волосы, почему-то приводили в неописуемый восторг Эмили и других девочек, но не саму Николь. Видимо все эти, очень смущавшие ее, особенности, были причиной обращенных на нее восхищенных взглядов, которых она достаивалась в редкие выходы в свет.

Сейчас, когда их обучение в пансионе закончилось, Эмили, зная, как трудно возвращаться Николь в Англию, звала ее с собой. Но она не могла. Пришло время вернуться туда, где, наверное, был ее дом. Уже долгое время она не получала никаких вестей о матери. Пять лет назад она просто сбежала, воспользовавшись удачной возможностью, сейчас она уже могла себе в этом признаться, просто позорно сбежала. Пришло время исправить ошибку. Поэтому ей оставалось только писать. Просто в размышлениях о том, что ее ждет завтра, она совершенно забыла об адресе подруги.

– Эмили, дорогая, конечно же, я буду тебе писать, – она порывисто обняла девушку, ощущая, как предательская влага наполняет глаза. – Обещаю!

– И еще ты мне обещаешь, что приедешь ко мне, как только будет нужно! – Эмили сжала подругу в ответ, шмыгая носом.

Потом они так же долго стояли на ступенях пансиона, который был их домом все эти годы. Роскошный экипаж, который прислали за Эмили, соответствовал ее титулу графини Хидлстон. Экипаж, ожидающий Николь, принадлежал пансиону мистера Ижена. Ей еще предстояла долгая дорога в Кале. За наследницей барона Астлей сюда экипаж прислать было не кому. С мистером и миссис Ижен она уже распрощалась. Эти люди, помогавшие ей все эти годы обрести себя, были давними друзьями ее отца, расставание было очень трогательным.

Через несколько часов Николь уже поднялась на борт корабля, который должен был через Ла-Манш доставить ее в Дувр. Матросы, сновавшие по грузовому трапу туда-сюда, замедлили работу, по достоинству оценив яркую красавицу, поднявшуюся на борт «Фортуны». Капитан, по договоренности встречавший девушку, оказался неприветливым и неразговорчивым человеком и ограничил их общение тем, что сухо поприветствовал ее на борту и представился мистером Кроули. Тяжелый камень грядущей неизвестности и потери, пусть и временного,

но желанного спокойствия, обретенного в пансионе, мгновенно потяжелел от сознания предстоящего путешествия в такой недружелюбной компании. Николь подошла к борту, наблюдая за погрузкой. Наверняка, каждому из носивших тяжелые тюки и ящики матросов, жилось намного тяжелее, чем ей. Но, молодые и мускулистые, с загорелыми, заветренными всеми ветрами лицами, они улыбались, перекидывались шутками, несмотря на тяжелую работу и заливающий лица пот. У всех этих людей, наверное, где-то были близкие, которые ждали их, или, напротив, их пьянил воздух бесконечной свободы. Никто не сможет так искренне улыбаться, когда в душе нет мира, а Николь, как ни старалась все последние дни и сейчас, так и не смогла найти ни одной, даже самой незначительной причины для радости.

Пять лет назад, через неделю после похорон отца, девушка уехала из дома, оставив матери только короткое письмо, которое, естественно, не могло выразить всего, что чувствовала пятнадцатилетняя Николь. В нем она просто просила мать не преследовать ее, что ее решение уехать в пансион было сознательным. Пансион принадлежал старым друзьям отца, и когда после смерти было оглашено завещание, в нем барон Астлей указал, что если после его смерти, наследница изъявит желание посещать этот пансион, то он дает ей свое родительское соизволение. Ингрид, естественно, была в гневе. После произошедшего в Уотерфорде, Николь, как ни старалась, не смогла общаться с матерью. В ту ночь, покидая имение герцога, девочка кожей ощущала то презрение, которое она видела в глазах свидетелей безобразной сцены в спальне маркиза. Всю дорогу в дом Мэдлоу, в экипаже висело тягостное молчание. Мать, находясь в состоянии, попеременно переходившем из откровенного отчаяния в глухую злобу, то затихала, смотря в окно, то начинала нервно поправлять наряд и прическу. В доме Элинора они тоже долго не задержались. Уже через час, которого хватило для того, чтобы собрать вещи, Николь осторожно усадили в предоставленный им для дороги домой экипаж.

Уже по дороге в Розберри, имение Астлей, мать сделала попытку заговорить с Николь, но поняв, что дочь на разговор не пойдет, замолчала. Только когда к вечеру экипаж въехал в парк, разбитый вокруг дома, Ингрид коротко уточнила:

– Я надеюсь, ты понимаешь, девочка, что о том, что произошло тебе не стоит ничего говорить отцу?

– Разве тебя не оскорбили в доме герцога? Отец не вынесет позора от того, что не даст достойного ответа на оскорбление, – спросила Николь, прямо глядя в глаза матери, хотя на самом деле понимала, принимая во внимание все то, что слышала об увлечении матери маркизом и своей наследственности, что отцу действительно не стоит знать о том, что произошло.

– Я сама расскажу обо всем отцу, когда сочту нужным, – Ингрид, не выдержав прямого взгляда дочери, отвернулась и запахнулась в накидку.

Но, все получилось совсем по-другому. Спустя какое-то время после произошедшего, барону доставили письмо, в котором все было описано подробнейшим образом, с упором на неподобающее поведение баронессы и совершенно непрозрачными намеками на сомнительное отцовство барона. Кто был автором письма, неизвестно было до сих пор, но возымело оно уничтожающее действие. После непродолжительного разговора с женой в своем кабинете, Лайонал Астлей поспешно отбыл, перед отъездом позвав к себе Николь только для того, чтобы крепко прижать к себе и сказать, что очень любит ее. Она тогда провожала отца в слезах, с тяжелым предчувствием. Правда отец вернулся на следующий день, но радость от быстрого возвращения сменилась еще большей тревогой. Барон Астлей заперся в кабинете и на попытки Николь достучаться до него, отвечал странным отстраненным голосом, что он просто устал и поговорит с ней позже. Даже семейный доктор, совершенно неизвестно кем вызванный, не был впущен в кабинет. Открыл барон через несколько дней, но только для того, чтобы позвать дочь. Через пару часов он умер, тихо попросив ее, постараться остаться такой, как она есть. Даже не спрашивая, Николь прекрасно понимала, куда отлучался отец. После полученного письма он, конечно, должен был посетить маркиза. То, в каком душевном состоянии вернулся барон,

говорило только о том, что, чего бы он не ожидал от этого визита и что бы не получил в ответ, это принесло ему еще большие муки. И Николь ненавидела Лимерика за это. Ненавидела не меньше, чем отвратительна была ей собственная мать.

На следующий день после похорон барона, было открыто завещание, в котором титул и большая часть состояния теперь принадлежала Николь, правда воспользоваться им она могла только по достижении двадцати одного года. Отец все четко рассчитал. Милый папочка, он очень хорошо понимал свою дочь. Знал, что когда его не станет, ей будет тягостна жизнь с сумасбродной матерью. Он подсказал ей выход. Поэтому, несмотря на истерики баронессы, Николь, уловив момент, захватив письма отца, переданные ей вместе с завещанием, уехала во Францию к мистеру и миссис Сен Ижен.

Теперь, возвращаясь домой, она понимала, что ее ждет полная неизвестность. За все это время, она получила от матери одно единственное письмо, в котором Ингрид четко описывала, насколько она разочарована собственной дочерью, бросившей ее в такой тяжелый момент, и требовала немедленного возвращения. Но Николь не вернулась. Сейчас, когда по исполнению положенного возраста, она вступала в права хозяйки состояния Астлей, на нее ложился весь груз ответственности и довольно многочисленные обязанности, от количества которых голова шла кругом.

Накануне, нанося прощальный визит мистеру и миссис Сен Ижен и его жене, у которых она часто бывала все эти годы, на правах особенной воспитанницы, Николь получила от графа письмо, много лет назад написанное для нее отцом. Со слезами на глазах она читала слова, написанные рукой давно умершего, но горячо любимого человека. В письме он сообщал ей, что раз она держит это письмо в руках, значит, все обернулось именно так, как он и предполагал, что понимает чувства, испытываемые ею сейчас, но уверен, что все это ей под силу, у нее просто нет другого выбора. Далее он сообщал ей имя человека, который все это время распоряжался принадлежащим ей состоянием, и то, что мистер Келли и дальше будет ей помощью в любой ее просьбе.

– Простите, мисс. Я думаю, вам стоит опуститься в вашу каюту, – недовольный голос капитана Кроули вернул ее из размышлений на борт «Фортуны». – Обед будет через пару часов, Марко пригласит Вас.

Он так и остался стоять рядом с ней, пока она, быстро окинув уже удаляющийся берег Франции, пошла в сторону кают. Легкий порыв морского ветра, сорвал с ее головы капюшон. Марко, матрос, которого капитан приставил проводить гостью в каюту, зачарованно засмотрелся на разметавшиеся вокруг белоснежного лица локоны.

– Накиньте капюшон, мисс! Морской ветер очень коварен, – раздражение в голосе капитана стало более чем заметно, – особенно ранней весной. – Он выразительно осадил взглядом витавшего в облаках матроса и протянул руку в сторону спускающейся вниз лестницы.

Николь не оставалось ничего, кроме как принять это, хоть и не очень любезное приглашение. Оставшись на палубе, Кроули оглядел всех своих нерадивых подчиненных, которые потеряв из виду прекрасное видение, хоть и нехотя, но вернулись каждый к своей работе. На самом деле, Юбер Кроули не был настолько уж черствым и нелюбезным. Просто он был опытным капитаном и придерживался пресловутого мнения о том, что женщина на корабле не к добру, особенно молодая и настолько красивая, отнюдь не из суеверных предрассудков. Просто ему совершенно не нужен был в команде ни пьяный бунт, ни ослепшие от созерцания этого бриллианта матросы, которые, забыв о своих обязанностях, приведут корабль на рифы. Он все сделал правильно.

Англия встретила беглянку густым туманом, стелящимся над портом и превращающим все находящееся даже в непосредственной близости в причудливые силуэты. Провожая ее, мистер Ижен предупредил, что в порту Лондона ее встретит именно тот управляющий, о котором в прощальном письме говорил отец. Осторожно спускаясь по трапу, поддерживаемая все

тем же Марко, благоговейно вцепившимся в локоть девушки, она пыталась разглядеть в серой дымке кого-нибудь на причале.

– Николь? – образовавшаяся, как ей показалось, из самой влажной мглы, фигура протянула ей руку. Это было настолько неожиданным, что девушка сообразила, насколько непривычно неофициальным было обращение только тогда, когда незнакомец, позвавший ее по имени, минуя все условности, издал кашляющий звук и обратился к ней заново. – Простите... мисс Астлей?

– Да, это я, – Николь, вложив руку в протянутую к ней сильную ладонь, взгляделась в лицо человека. Он был ей как будто знаком, спокойное благородное лицо не вызывало ни страха, ни тревоги. Она выжидающе молчала.

– Мое имя Келли. Мейсон Келли, – уточнил мужчина, точно расценив ее молчание. – Я уполномочен вашим отцом, встретить вас в любое время, когда это понадобится. Моя контора все эти годы занималась вложениями и всеми делами вашего отца.

Николь обратила внимание, как осторожно говорил встречающий о ее отце, и прониклась внезапной благодарностью за то, что этот человек видимо прекрасно понимал, как может ранить ее упоминание об умершем.

– Конечно, мистер Келли, отец в своем письме упоминал о Вас. Спасибо за то, что встретили меня. После долгого отсутствия я чувствую себя здесь, как в первый раз. И Вам спасибо, Марко, – она, повернувшись к расплывшемуся в улыбке матросу, совершенно неожиданно для него, пожала ему руку. Тот растерянно затряс ее ладонь в ответ и, вряд ли остановился бы, если бы спокойный голос капитана с палубы не окликнул его.

– Марко, ты оторвешь руку мисс Астлей, возвращайся на борт, – и, насмешливым взглядом проводив раскрасневшегося матроса, Кроули спустился по трапу сам. – Было очень приятно проводить такой груз к родным берегам, мисс, – капитан усмехнулся в недоуменное лицо Николь. – Простите, если что-то не так, но мне нужно возвращаться на корабль, мне и без того еще долго придется приводить свою команду в чувство, – он многозначительно посмотрел на мистера Келли, в понимающей улыбке, склонившего голову. – Вот Марко, например, я боюсь теперь еще долго не будет мыть руку, которую вы так неосмотрительно пожали. Желаю удачи, мисс Астлей! – он отсалютовал ей и ее новому спутнику. Через секунду она уже слышала команды, раздаваемые матросам в густом портовом тумане.

Дорога до Розберри занимала несколько часов. Неловкое молчание, естественно повисшее в компании с совершенно незнакомым ей человеком, заставило Николь с особым усердием рассматривать пейзаж, мелькавший за окошком экипажа. Природа еще не проснулась от зимнего сна. Во Франции было немного теплее, многие весенние цветы и кустарники уже распустились. Англия же, покрытая сонной испариной туманов, строго напоминала проезжающим, что весна капризна и что с теплом вполне еще можно подождать.

Воспользовавшись тем, что девушка, по крайней мере, делает вид, что занята живописным серым пейзажем, спутник спокойно изучал ее. Он видел Николь в последний раз совсем ребенком. Уже тогда было понятно, что ее мать передала девочке свои черты. Но то, что он видел перед собой сейчас, поражало. Довольно высокая для особы женского пола, она все же производила впечатление хрупкой фарфоровой куклы, со своей белоснежной кожей, кажущейся еще блее в контрасте с черными волосами. Перед ним сидела леди Ингрид Астлей, только намного моложе. И еще, в ее взгляде не было неисправимой надменности баронессы, настораживающей черты, которая за ослепительной красотой Ингрид, замечалась слишком поздно.

– Родина не балует вас красотой? – Келли решил оторвать спутницу от малозрелищной картины.

– Меня не было здесь всего несколько лет, мистер Келли, поэтому меня вряд ли может разочаровать то, что сейчас я вижу перед собой. Тем более что скоро все здесь запестрит новыми красками.

– Да вы настоящая патриотка своей суровой страны! – мужчина, конечно, иронизировал, но про себя отметил, что от особы ее положения и внешности, скорее можно было бы услышать жалобы на надоевшую зимнюю погоду и вечные мглистые туманы, от которых бедным изнеженным аристократкам становилось трудно дышать.

– В детстве я много времени проводила на похожих склонах, – Николь искоса посмотрела на собеседника, дав понять, что оценила его иронию, – В имении было скучновато, особенно, когда уезжал отец. А тут такой простор...

Мейсон приподнял брови в ответ на кивок девушки, указывающий на серо-белесые холмы, покрытые редким терновником, мимо которых они проезжали.

– Ну и что же, по-вашему, здесь интересного?

– Да все! Это издалека все это кажется скучным и однообразным, а если подойти поближе и присмотреться – Николь снова обратила взгляд за окно, – вон в том терновнике наверняка прячутся «озерки», – она обернулась, чтобы удостовериться, что ее понимают, – это такие маленькие птички, сейчас самое время для начала гнездовья. Знаете, как интересно наблюдать, как эти крохи по малюсенькой травинке таскают материал для гнезда.

Мейсон прекрасно знал, кто такие «озерки», которые в науке имели какое-то настолько мудреное название, что большинство жителей Англии даже не знали его. Более того, в своем, уже кажется забытом детстве, тоже мотался по очень похожим местам, только в своей родной Ирландии. Правда, они с мальчишками не просто наблюдали за птицами. Когда птенцы вырастали и вылетали из гнезда, их отлавливали, чтобы потом продать детям из более состоятельных семей, или местному торговцу, вывозящему птах поближе к большим городам. «Озерки» очень красиво щебетали и пользовались спросом.

– А еще нужно ходить очень аккуратно, чтобы не наступить на гнездо ящериц, правда это уже позже, где-то в мае... Вы меня не слушаете, мистер Келли? – девушка посмотрела на него и, решив, что это должно быть ему совсем неинтересно, пригладила руками юбку. – Так что, для заинтересованного человека здесь есть чем заняться.

– Могу вам признаться, милая леди, что когда то был очень даже заинтересован, – Мейсон специально сделал акцент на так сильно выделенном ею слове и, увидев, что девушка, ожидая продолжения, подняла голову, добавил. – Сейчас я, признаться, уже не в том возрасте, да и финансы мои не настолько скудны, чтобы обращаться за помощью к бедным птичкам.

Пока мистер Келли рассказывал ей о своем детском опыте получения денег, Николь с интересом рассматривала его. Темные, почти черные, начинающие сесть на висках волосы. Спокойное, лишенное нервной кричащей мимики лицо, лучистые морщинки, чуть заметно тронувшие уголки губ и зелено-голубых глаз. Ничего выдающегося. Но перед ней сидел, как она уже знала, хозяин управляющей конторы. Обычно такие фирмы имели люди из обедневшей аристократии или ее низших слоев. Некоторые видели в этом единственный способ заработка, кому-то нравилось управлять чужими состояниями за неимением своего. Слушая то, что он рассказывал, Николь поняла, что это не тот случай. Отец Мейсона Келли, в поисках заработка, уехал в столицу, оставив жену с пятью ребятишками, из которых Мейсон был самым старшим. И десятилетний мальчик вместе с такими же, как он голодранцами изыскал способ помочь матери накормить семью в периоды, когда от отца не приходило никаких денег. Честно говоря, сейчас ей было ужасно стыдно. Она бродила по окрестностям Розберри, потому что ей было скучно, из праздного любопытства. Что такое нуждаться в деньгах или тем более быть голодной, она не знала никогда. А перед ней сидел уважаемый мужчина, который к своим зрелым годам, из ирландского мальчишки-оборвыша превратился в человека, способного давать

советы и выгодно распорядиться состояниями людей, стоящих несоизмеримо выше в глазах общества.

– Ну вот, после окончания университета, отец занялся мелкими юридическими и финансовыми консультациями, – продолжал Мейсон, – и видимо к счастью, природа не обделила его умом и чутьем, так как вскоре о нем уже были наслышаны многие состоятельные люди. Дела пошли, как говорить в гору. Когда мне исполнилось восемнадцать, и я уехал к нему в Лондон, его контора уже процветала. А через некоторое время к нам приехала и мать с моими братом и сестрами. Кстати, в то время мой отец уже занимался некоторыми делами семьи Астлей, – быстро добавил Мейсон, немного помолчав, как будто вспоминая о чем-то.

– Так значит, вы давно знаете моего отца? – Николь, почувствовав возможность поговорить хоть с кем-нибудь о родном человеке, не отрываясь, смотрела на сидящего напротив мужчину и была немного смущена, когда он так же надолго задержал взгляд на ней.

– Да, я действительно долго знаю вашего отца, точнее знал, простите, Николь. Я бывал в Розберри, когда Вы еще были ребенком. Барон Астлей практически всем управлял сам, он обращался к помощи нашей компании только в редких случаях. Пять лет назад он приехал к моему отцу, но отца уже не было, дела принял я, – он немного помолчал. – Кстати, мисс Астлей, я готов предоставить вам подробнейший отчет обо всех финансовых вложениях за эти годы по Розберри и по арендованным землям, – Мейсон выпрямился на сидении, как будто действительно собирался прямо сейчас начать отчет.

– Мне? – Николь была действительно удивлена. Конечно, она помнила, про завещание отца, но в тонкостях наследования и управления она никогда не пыталась разобраться, – Я думала, что все это Вы предоставляли все эти годы моей матери!

– Нет, в своем завещании и в распоряжениях, отданных лично мне, барон Астлей четко указал, что баронесса Астлей не имеет права ни на какие способы управлять состоянием. Ей назначено ежемесячное содержание, поверьте мне, достаточное для роскошной жизни, – уточнил Келли, увидев потрясенное лицо девушки.

– Мой отец должен был очень доверять вам, мистер Келли, оставляя такие распоряжения, – только и смогла прошептать Николь.

– Барон доверял моему отцу, доверие мне, видимо, перешло по наследству, и должен сказать, что я постарался оправдать это доверие. Я докажу вам это, как только у меня появится возможность предоставить вам отчеты.

– Но я все равно ничего в этом не понимаю, мистер Келли, – сцепив руки на коленях, уныло заключила Николь. – Видимо, Вам еще какое-то время придется полностью заниматься всем этим и помочь мне разобраться.

– Ну, вы же понимаете, мисс Астлей, что это не в интересах моей конторы, – напуганная Николь не сразу заметила в его словах вновь появившуюся иронию. – Чем меньше понимает клиент, тем выгоднее заниматься его делами, – и, совершенно неожиданно для Николь, рассмеялся и накрыл ее сцепленные руки своей ладонью. – Боже мой, Николь, неужели вы думаете, что я прямо сейчас сброшу все управление на вас? Все не так просто, передача дел требует какого-то времени. Вам вполне хватит его, чтобы освоиться.

Николь, совсем растерявшись, потихоньку вытянула вспотевшие ладони из-под его крепких рук. Мейсон тут же выпрямился.

– Если конечно Вам не будет угодно, чтобы наша компания и впредь занималась управлением.

Экипаж въехал в окрестности Розберри. Знакомые с детства места совсем не изменились за эти семь лет, разве что заросли кустарника по обе стороны от дороги стали больше. Николь жадно вглядывалась в родные пейзажи. Попавшиеся на пути экипажа люди оглядывались, не узнавая наемный экипаж, девушка задумывалась, пытаясь вспомнить их. Когда еще был жив отец, она, как завсегдатай деревенских праздников, помнила практически всех по именам, сей-

час память стерла их за ненадобностью. Сердце Николь тоскливо сжалось от чувства какой-то безвозвратной потери, как будто окончательно осознав, что со смертью отца умерла и часть ее жизни. Все эти годы в пансионе, Николь по-разному представляла себе возвращение домой, ведь уехала она тогда впопыхах, не попрощавшись ни с кем, как ни уговаривал ее мистер Сен Ижен сделать все по-другому. Теперь, когда встреча с матерью была все ближе, Николь понимала, что совершенно не готова к ней. Она практически наизусть помнила присланное ей во Францию письмо и сейчас готова была поклясться, что мать при встрече повторит все слово в слово.

– Скажите, мистер Келли, а вы давно видели леди Астлей? – Николь только сейчас поняла, что он может что-то рассказать ей о матери.

Мужчина резко повернулся к ней, как будто своим вопросом она оторвала его от глубоких раздумий, настороженно глядя на нее, потом так же резко расслабился.

– Я видел леди Астлей давно, – он отвернулся и смотрел на свои, сложенные на коленях руки. – Мне не было необходимости встречаться с вашей матерью, так как я уже сказал, что по распоряжению барона она не имела никакого влияния на состояние.

Николь поняла, что разговор дальше не получится, мистер Келли снова стал встретившим ее управляющим, а не мальчиком, ловившим птиц на ирландских склонах. Экипаж уже ехал по аллее парка. Голые, раздетые зимними ветрами вяза, стояли как стражи по обочинам и выглядели совсем не так внушительно, как она это помнила. Сердце сковала тревога от того, что первым, что она сейчас переживет после долгого отсутствия, это встреча с матерью, тем более, что та ее, скорее всего, не ожидает.

Мистер Келли, понимая, видимо ее состояние, попытался подбодрить ее.

– Помните, Николь, что какое бы событие не вынудило вас покинуть дом несколько лет назад, всегда лучше вернуться домой. Нужно всегда смотреть обстоятельствам в лицо, – он тепло посмотрел на нее и добавил. – По крайней мере, так всегда учили детей в Ирландии.

– Спасибо за совет, мистер Келли, я постараюсь соответствовать вашим ирландским планкам, – Николь напряженно улыбнулась, про себя отметив, как естественно воспринимается то, что он, все-таки, обращается к ней по имени, но увидев, что он не собирается выйти с ней, удивленно спросила. – Вы разве не собираетесь зайти в дом?

– Нет, Николь, – спокойно, но твердо возразил управляющий, – у меня нет надобности, да и времени, признаться. Я прощаюсь с вами здесь.

Николь уныло вышла из кареты, опершись на руку кучера. Естественно, как она могла трусливо просить совершенно чужого ей человека быть ей поддержкой в предстоящей нелегкой, как она подозревала, встрече с матерью.

– Николь! – окликнул ее Мейсон, остановив собирающегося захлопнуть дверцу кучера. – Я пришлю вам все отчеты в ближайшие дни, и помните, вы можете в любое время обратиться ко мне за любой помощью.

– Благодарю вас, мистер Келли, – ответила Николь, но мысленно она уже входила в большой холл дома, где перед ней стояла мама. Тогда, пять лет назад она испугалась резких перемен в ее размеренной провинциальной жизни под крылом отца. Сейчас пришло время «посмотреть в лицо обстоятельствам».

Глава 12

Роскошный, но безобразно измятый пеньюар, был единственным ярким пятном в комнате, в которую уже несколько дней не допускался даже самый тусклый лучик света. Если кто-нибудь из прежних многочисленных знакомых попал бы сейчас сюда, вряд ли смог узнать ту, еще пару лет назад, блистательную баронессу. Леди Ингрид Астлей снова была пьяна.

Старый барон отомстил ей со всей изощренностью, даже сам не понимая этого. Конечно, для начала он потребовал удовлетворения у маркиза. Глупец... Тягаться с Лимериком Но Лимерик повел себя совсем не так, как ожидала Ингрид. А барон, просидев в своем кабинете в течение долгих последних часов своей угасающей жизни, продумал все до мелочей, позаботился обо всех, кроме собственной нерадивой жены. Да, он установил для нее достаточное содержание, даже при всем желании Ингрид не смогла бы этого отрицать. Деньги на содержание поместья тоже поступали регулярно. Но в кругу ее общения новость о положении баронессы, в котором оставил ее усопший супруг, разнеслась быстрее, чем пепел по ветру. Сначала она стала предметом насмешек и острых шуток. Подробности истории, произошедшей в Уотерфорде, попали в умелые уста светских сплетниц немного позднее.

И, может быть, если бы Ингрид хватило выдержки все это перетерпеть, со временем все бы утряслось. Но вскоре, на одном из приемов, отчаявшаяся баронесса сделала самую серьезную, ставшую роковой для ее, и без того шаткой репутации, ошибку. Она, чуть ли не открыто, решила показать Грегори, что равнодушна к нему. Решила поставить в этот вечер на кон все, но проиграла. И все эти годы у нее в ушах, отравляюще, звенели слова Грега, которые он произнес со сдержанной улыбкой, склонившись к ней во время танца, на который она его практически пригласила. «Леди Астлей, к сожалению, я не могу внятно объяснить, как произошло то, что произошло. Именно поэтому я не стрелял в вашего мужа, но, с полной ответственностью, могу заявить, что сейчас, уже не находясь под действием наркотика, не испытываю к вам ни малейшего влечения». После этого, прямо посреди танца, он проводил натянутую, как струна, Ингрид к диванам и покинул зал. А далее, произошел известный в столице парадокс. Если бы тогда Ингрид все удалось и она, наконец, смогла бы назвать себя любовницей Хокстоуна, поохав, для порядка, общество приняло бы ее в свой гостеприимный лицемерный круг. Но, неудачников здесь забивали камнями, и Ингрид стала парией. Парией среди людей, которые еще несколько недель назад не отходили от нее, считая иконой стиля, на которых сама она еще очень недавно обращала внимание только в личных интересах.

Ингрид решила удалиться в Розберри, переждать, но этот период затянулся. Николь, уехав, лишила ее возможности отыгаться на ней. Даже тогда Ингрид не позволила себе попросить ее вернуться. Леди Ингрид Астлей никогда не опускалась до унижения. Она и так изрядно потрепала свое самолюбие в погоне за Хокстоуном. Но, в поместье ее все раздражало. Привыкшая к столичным развлечениям, Ингрид сходила с ума от скуки, более того, в собственном доме она чувствовала себя приживалкой. Она не могла даже рассчитать никого из прислуги. Хитрый лис, прекрасно понимая, что, если его задуманная дуэль с маркизом закончится плачевно для него, то вскоре его жена пустит поместье по миру, и в первую очередь на улице окажутся люди, которые верой служили Астлей поколениями. Поэтому, в завещании черным по белому было написано, что всеми, связанными с прислугой делами, занимается управляющая контора Келли. И до тех пор, пока в управление делами не вступит, по исполнению совершеннолетия, Николь, никто другой, кроме Мейсона Келли, не мог управлять состоянием Астлей или любыми другими делами поместья.

Ингрид тяжело повернулась на подушках. Глаза не открывались. Очнувшись от болезненного забытья, мысли снова вернулись. Мейсон Келли заносчивый выскочка. Ингрид так и не смогла понять, по какой такой болезненной прихоти судьбы, ее муж сподобился передать дела

именно ему. Хотя нет, здесь все понятно, Келли ведь управляли некоторыми делами барона давно, но если бы он только знал. Недаром вокруг говорили, что ее муж не в себе. Сначала Ингрид думала, что этим он решил все ее проблемы, но первый же визит к Мейсону показал, что ирландцы не забывают обид. Никакие ее уловки, которые обычно безотказно действовали на мужской пол, не считая ее громкого фиаско с маркизом, не помогали. Ну ладно искушенный, избалованный женским вниманием Хокстоун, но жалкий управляющий Тем более Ингрид прекрасно знала, что он к ней более чем небезразличен. Но Келли выгнал ее, колеблясь, но выгнал. Потом она пробовала угрозы, в последний раз, на прошлой неделе, пустила в ход слезы, но все бесполезно.

Ингрид потихоньку встала. Когда комната в ее глазах перестала вращаться, так же потихоньку дошла до кресла возле туалетного столика. Зеркало было завешено платком. Она сама сделала это вчера или позавчера. Ее собеседница в зеркале стала раздражать ее уже давно. Она ужасно выглядела и смотрела на нее с выразительным презрением или жалостью. И то и другое было для нее отвратительно.

В дверь тихонько постучали и открыли. Немолодая горничная осторожно заглянула в комнату. Увидев, что хозяйка проснулась, она зашла. В комнате стоял спертый, неприятный запах спиртного. Когда пил мужчина, к этому запаху всегда примешивался сигарный дым. Леди, видимо, пыталась залить этот запах духами. Флаконы из-под духов были разбросаны вокруг туалетного столика.

– Госпожа, доброе утро, – несмотря на то, что было уже далеко за полдень, Тесс начала с обычного утреннего приветствия. – Разрешите, я открою окно?

– Тесс, у тебя поразительная способность являться не вовремя. Я тебя не вызывала, – баронесса переместила тяжелый взгляд на горничную. – Ну, раз уж ты пришла, – она сделала снисходительный жест в сторону больших французских окон, которые выходили на балкон.

Никто в доме уже давно не реагировал на сварливый нрав баронессы. Тесс, и подавно, ее жалела. Если бы Ингрид знала об этом, бедняжку съели бы на один из завтраков, но баронесса, верная своим идеалам, была уверена, что все еще вызывает в слугах благоговейный страх. Тесс служила Ингрид практически с первого дня ее нахождения в Розберри. Будучи старше своей хозяйки на целых десять лет, она всегда сносила ее взбалмошный характер как терпеливая мать. После произошедших пять лет назад событий, она наблюдала стремительное падение баронессы с пьедестала, на который та сама себя воздвигла. Сейчас, как всегда молча, Тесс просто пошла открывать окна.

В комнату пахнуло свежим весенним воздухом. Ингрид, пожившись, сильнее запахла в халат.

– Ты хочешь моей смерти? – Ингрид не смотрела на служанку, каждое движение головой было болезненным испытанием. Вместо этого она рассматривала разнообразие валяющихся на полу у нее под ногами флаконов.

– Свежий воздух очень полезен, к нам наконец пришла весна! Только посмотрите, – Тесс раскрыла шторы, впуская в окна робкие лучи пробивающегося сквозь серые тучи солнца. Видя, что Ингрид только болезненно поморщилась, она добавила. – Солнышко очень быстро сейчас прогреет комнату.

– Лучше разожги камин, – баронесса встала, – и прибери в комнате.

Служанка коротко кивнула, собираясь отойти от окна, но шум колес по гравийной подъездной дорожке привлек ее внимание.

– По-моему, у нас гости, госпожа, – она тщетно пыталась разглядеть что-нибудь, но балкон скрыл из вида остановившийся у крыльца экипаж.

– Гости!? – Ингрид от ужаса пришла в себя. – Что ты стоишь, дура, беги сейчас же, узнай, кто это, скажи подождать и возвращайся. Мне нужно одеться, – Ингрид сдернула платок с зеркала и мрачно уставилась на свое отражение. Когда-то она обожала каждую свою черточку,

сейчас она ненавидела себя. За эти пять лет, она сделала все, чтобы нагнать свой биологический возраст, и даже перегнать. Кожа потускнела и покрылась преждевременными морщинами вокруг глаз и рта. Волосы, по-прежнему, густые и длинные, безжизненно поблескивали седой. Ей было всего тридцать восемь лет, но хроническая депрессия, пристрастие к алкоголю и лаудануму, которым она в свое время любила потчевать любовников, не прошли бесследно. Кем бы ни был этот неожиданный, первый за столько времени гость, он не может увидеть ее такой. Хотя, может это Келли одумался? Ингрид подняла руки, пытаясь поправить волосы, и замерла.

В зеркале, в отражении, за ее спиной, как жуткая насмешка над ее отчаянием, появилось видение ее самой, какой она была, кажется, только недавно, молодой и красивой. Видение стояло, смотря на нее и в глазах его было столько шокированного изумления, что женщине захотелось снова накинуть платок на зеркало.

– Здравствуйте, мама! – только когда знакомый голос разорвал это безумие, Ингрид поняла, что в дверях ее спальни стоит вовсе не плод ее одурманенного сознания, а собственная дочь. Ингрид резко развернулась к ней лицом. Собранные Тесс флаконы снова разлетелись по полу.

В мгновение, из мыслей Николь испарились все заготовленные фразы, которые она продумала для встречи с матерью. Женщина, сидевшая напротив, конечно же, была ею, но изменения были настолько разительны, что девушка невольно подсчитала в уме, сколько она провела во Франции. Прошло несколько минут, прежде чем она заговорила.

– Мама, вы больны? – она стала снимать дорожный плащ. Руки дрожали, мешая холодным пальцам быть проворными.

– Чудесно, я уж думала, что ты никогда не заговоришь, – потрясение в голосе баронессы почти не угадывалось за язвительным сарказмом, но, все же, не укрылось от Николь. – Что, я настолько изменилась, что моя предательница дочь не в силах узнать меня?

Девушка смотрела на мать молча, и Ингрид все-таки не выдержала прямого взгляда. Отвернувшись, она неуклюжими руками стала вытаскивать из потерявшей еще несколько дней назад прически, оставшиеся шпильки.

– Я думаю, у нас будет еще время обсудить причину моего отъезда, мама.

Что-то в спокойном ответе дочери насторожило женщину, но поднять глаза даже на ее отражение в зеркале она не смогла. И дело было не в том, что она теперь выглядела точно так же, как могла бы еще выглядеть сама баронесса, не уступи она тяжким порокам. Просто эти, вроде бы не объясняющие ничего слова, впервые за многие годы заставили Ингрид вспомнить, что ее дочь была свидетелем той истории, которая положила начало ее унижению, и о которой сама Ингрид пыталась тщетно забыть все это время.

– Собираешься остаться? – нелепый вопрос был единственным, что пришло сейчас на ум Ингрид.

– Естественно, это же мой дом! – Николь присела на диванчик возле матери, все еще разглядывая ее.

– Ах, ты об этом вспомнила?! – женщина нервно вырвала из волос очередную шпильку. – Где эта мерзавка Тесс? – она потянулась к колокольчику.

– Я попросила ее приготовить нам чай, – остановила она намерения матери вызвать служанку, и машинально собралась помочь матери извлечь запутавшиеся шпильки.

– Ах да! Теперь мне, видимо, стоит привыкнуть, что прежде чем выполнить мои приказы, прислуга обязана будет выполнить твои. Ведь твой бессердечный отец назначил именно тебя наследницей и распорядительницей, тем самым опустив меня, законную жену до ранга содержанки! – Ингрид, наконец, снова повернулась к дочери. От почти безумного раздражения, плескавшегося в глазах матери, у Николь похолодела спина. Но, видимо, непочтительное

упоминание об отце нарисовало грань ее терпения. Девушка резко встала, заставив мать испуганно вскинуть голову от неожиданности.

– Я по-разному представляла себе нашу первую встречу, мама, но все варианты никак не походили на этот, – Николь направилась к дверям, но там все-таки задержалась. – Если, вдруг, у вас появится желание увидеть меня, я буду в своей комнате.

Тесс, с которой выходившая Николь чуть не столкнулась в дверях, оставалось только молча принять ее мимолетный извиняющийся взгляд.

Войдя в свою комнату, Николь замерла на пороге. Было видно, что комната все эти годы тщательно приводилась в порядок, но ничего в ней не изменилось. Девушка, тихо ступая, словно боясь стряхнуть дыхание прошлого, вошла, оглядываясь. Ни единого предмета не было сдвинуто со своего места. Уезжая, она не могла взять с собой даже свои самые любимые вещи, чтобы не привлечь внимания. Исключение было сделано для зачитанной до дыр, подаренной ей отцом. Поэтому, семейка вязаных кукол, которых для нее в детстве смастерила кухарка Полли, по-прежнему, восседала посреди ее кровати. Те же занавеси, те же покрывала. На миниатюрном туалетном столике, выстроившись в ряд, красовались фарфоровые статуэтки. Отец привозил ей их из каждой, пусть даже самой короткой поездки. И стояли они точно так же, как она их сама всегда расставляла. Изящные танцовщицы и девушки с цветами, пастушка с пастухом, и дебютантка в белоснежном платье были повернуты так, будто разговаривали друг с другом. Раньше Николь сама придумывала и озвучивала их диалоги, иногда ей подыгрывал отец. Сейчас они стояли, молча заглядывая в фарфоровые личики друг друга. Девушка подошла и взяла в руки свою самую любимую – тоненькую фигурку девушки, застывшей, словно ожидая приглашения на свой первый танец. Статуэтка походила на самую Николь, отец так и сказал, вручая ее дочери. Она осторожно провела кончиком пальца по изгибу фигурки, будто стирая осевшую пыль.

– Когда-то, Ваш батюшка говорил, что Вы будете такой же ослепительно красивой, когда вырастаете и посетите свой первый бал, – голос, прозвучавший в дверях, отвлек ее от созерцания. Николь повернулась и радостно заулыбалась.

Полли, немного постаревшая и располневшая, но с неизменной доброй улыбкой на розовощеком лице, стояла, сложив руки под нарядным передником.

– Милая, Полли! – воскликнула Николь, прямо со статуэткой тут же оказавшись в знакомых объятиях. – Я так рада тебя видеть!

– Наша радость, все равно, сильнее! – Полли, освободив, одну руку, толкнула вторую створку двери, и изумленному взгляду Николь предстали радостные лица горничных. – Вы даже не представляете себе, госпожа, как мы молились, чтобы когда-нибудь Вы, все-таки, вернулись в этот, забытый счастьем дом.

– Как хорошо, что Вы меня дождались! Я так боялась, что за время моего отсутствия все обитатели дома разбегутся!

– Что вы, мисс! – приложив ладони к груди, воскликнула Аманда, пухленькая дочь Полли, служившая горничной. – Ваш покойный батюшка, пусть ангелы качают его на своих крыльях, определил нам такое жалование, что только тронувшись умом можно уйти.

– Внизу вас еще ждут Брайтон и О`Мэлли, они, конечно же, не осмелились зайти, – незаметно дернув разговорчивую дочь за юбку, вмешалась кухарка, – Ну и, конечно, Лоркин, да вы его уже видели, когда приехали. Он же никак не может оставить свой пост, – Полли смешно задрала нос, изображая их пожилого дворецкого.

В коридоре за их спинами появилась Тесс, все еще держа поднос с остывшим чаем.

– Леди Астлей отказалась от чая, – недовольным тоном, какой только могла позволить себе прислуга, заявила она.

– Ничего, мы сейчас пойдем пить чай все вместе на кухню, – предложила Николь, – уверена, что у Полли, как всегда припасено что-нибудь вкусненькое.

Наступившая тишина стерла улыбку с лица девушки. Вся прислуга смотрела на нее настороженно.

– Вы что, действительно собираетесь спуститься в помещение для прислуги? – наконец недоверчиво промямлила Аманда.

– Конечно, как я делала это раньше, – сначала растерялась Николь, но потом, поняв в чем дело, задорно улыбнулась. – А кто мне может запретить? Я ведь хозяйка!

Подхватив под руки ту, которая попала ей первой, она вытолкала всю компанию в коридор. Она возвратилась домой, и будет вести себя, как дома. В конце концов, она теперь взрослая и может сама себе это позволить. Позже, все еще сидя в кухне, за большим столом, она почти все время молчала и только с наслаждением смотрела на собравшихся слуг, выпитывала в себя каждую из рассказанных ими историй, до слез смеялась над их шутками. Только несколько раз за вечер ее мысли возвращались к матери. В отношении нее слуги были немногословны, все как один, и только опускали глаза, отвечая на вопросы.

Сейчас она сидела в своей комнате одна, как и мать там у себя. После их встречи, днем, мать не разговаривала ни с кем, только один раз вызвала Тесс, велев принести ужин и приготовить ванну. Внутренне порываясь пойти к ней и попробовать начать разговор сначала, Николь, все-таки, осталась на месте. Ей было так хорошо, казалось, так хорошо ей не было с самого дня похорон папы, и сегодня она разрешила себе эту слабость.

Глава 13

На следующий день, она постучалась к матери утром. Леди Ингрид не спустилась к завтраку. Ради того, чтобы провести хотя бы утреннее чаепитие вместе и смягчить вчерашнюю грозу, Николь не пошла завтракать снова на кухню, хотя очень хотелось. Ей очень неудобно было сидеть в большой столовой, одной за огромным столом, а посадить слуг, пусть даже они и были ее лучшими друзьями, было бы верхом презрения к привычкам леди Астлей. Но, все было напрасно, мать не пришла.

– Мама, можно войти? – Николь постучала и, не дождавшись приглашения, собралась с духом и отворила дверь сама.

В комнате никого не было. Николь, зная точно от Тесс, что баронесса не спускалась, огляделась. Дверь на балкон была открыта. Леди сидела в небольшом плетеном кресле.

– Дышите свежим воздухом? – мать чуть заметно вздрогнула, когда Николь обратилась к ней. – Доброе утро.

– Должна тебе сказать, Николь, что если ты будешь позволять себе проводить все время на кухне с прислугой, ты вскоре станешь такой же, как все они, – не ответив на приветствие, сухо констатировала мать.

Николь обошла ее кресло и, встав перед ней у балюстрады, посмотрела на нее сверху вниз. Сегодня мать выглядела совсем по-другому. Конечно, стереть с лица следы прошедших лет было невозможно, но в элегантном платье, с собранными в прическу волосами, она не вызывала той щемящей жалости, которую почувствовала вчера Николь.

– Мама, что с вами? – Николь попробовала пробить стену необъяснимой отчужденности. – Неужели вам нечего спросить у меня после пяти лет разлуки? Нечего рассказать о том, как вы жили все это время?

– Спрашивать мне тебя не о чем! О твоем побеге в более безопасное место мне известно все, что я желаю знать! Рассказать как я жила? Изволь, – Ингрид, иронично прищурился глаза, посмотрела на дочь. – Я гнила в этой дыре, лишенная общества и денег. Ведь если собственная дочь отвернулась от меня, что говорить о других людишках? Каждое мое утро начиналось с того, что я проклинала день, когда вышла замуж за твоего отца, что встретила этого ублюдка Хокстоуна, что оказалась там, в Уотерфорде, в такой неподходящий момент, и что твой отец не пристрелил его тем утром. Он даже на это оказался не способен! И каждый мой вечер заканчивался тем же!

Николь в ужасе отпрянула – столько злобы выплеснулось на нее вместе с этой тирадой. Конечно, все эти годы она, наряду с обидой на мать, чувствовала вину за то, что выбрала отъезд во Францию, как наиболее удобный для себя выход. Может ей стоило остаться и попробовать наладить отношения с ней сразу. Но тогда она не справилась с этим грузом, ей было всего шестнадцать. Конечно же, Николь, старательно стирая из памяти события той злосчастной ночи, осознавала, что не могла тогда и не может сейчас с уверенностью сказать, что именно мать спровоцировала маркиза на ту отвратительную сцену, свидетелем которой она стала в доме герцога, и которая так подробно была отображена в обвинительном письме, доставленном в Розберри позже. Она просто подсознательно чувствовала вину матери. Тут Николь подозрительно уставилась на притихшую на время мать.

– Подождите, мама... Что значит, вы встретили этого, – Николь сознательно пропустила нелестное выражение матери о происхождении маркиза, – Хокстоуна? Насколько я помню, я оказалась в ту ночь в имении герцога случайно, по собственной глупости. Судя по тому, что я сейчас слышала, сплетни о том, что вы увлекались Хокстоуном, правда? – Николь отлично осознавала, что стала на опасный путь, но почему-то именно в этот момент ей решительно захотелось наконец узнать истину.

– Да что ты себе позволяешь, девчонка?! Думаешь, если твой безумный папаша наделил тебя такими полномочиями, ты можешь хамить мне?! – резко вскочив, Ингрид замахнулась, но Николь, спокойно отступив, дерзко подняла подбородок.

– Больше вы меня никогда не ударите! – буря непокорности, подстегнутая постоянными оскорблениями в адрес отца, осознанием того, что мать почти призналась в увлечении другим человеком, уже раскручивала у нее внутри губительный вихрь. – Не знаю, к счастью, или, к сожалению, но я уже не та девочка, которой вы умело помыкали. И как я, по вашему мнению, должна чувствовать себя, понимая, что по крайней мере часть того письма из-за которого не стало отца было правдой?!

– Твоего отца не стало из-за того, что маркиз Лимерик нанес ему неслыханное оскорбление! О какой правде ты говоришь? Хокстоун пытался изнасиловать меня, там, в Уотерфорде, и когда ему это не удалось, он прислал это гнусное письмо, порочащее меня.

Перед взором Николь стали всплывать картины той ночи. Может, мать действительно ни в чем не виновата? Может, все, увиденное ею, просто плод ее воспаленного воображения? Она была явно не в себе в тот день. Все эти сплетни, подслушанные в саду, позорное выступление на приеме Мэдлоу, и свора шакалов, вполне могли довести ее до нервного срыва. А Хокстоун? Ведь это именно он своими надменными взглядами вынудил ее тогда взбунтоваться прямо посреди выступления. Девушка, устало потупившись, оперлась на парапет. Нет, в ее поведении маркиз не виноват, она уже сотни раз доказывала себе это в размышлениях. Просто его взгляд, по какой-то непонятной ей причине, подстегнул ее сделать то, чего она тогда на самом деле хотела. И, без сомнения, не маркиз писал это письмо.

– Просто отцу не удалось отомстить за это оскорбление, ты же знаешь, оба остались целы и невредимы в той дуэли, – проницательная баронесса, в мгновение, почуяв, что заронила в уверенность дочери семя сомнения, продолжала. – Твой отец умер от отчаяния, ведь он был человеком чести, а единственный, известный ему способ отмщения оказался проигранным. Но этого Хокстоуну показалось мало, он добился того, чтобы меня изгнали из общества, – баронесса стала всхлипывать, – а ведь ты знаешь, что это было моей слабостью. Я не могу без общения.

Николь была настолько обезоружена нахлынувшими сомнениями, что даже не заметила, насколько изменился тон, в котором ее мать говорила об отце, насколько несвойственны были высказывания. Только услышав всхлипывания, она повернулась к матери.

– Ладно, мама, – она подошла и попыталась взять ее за руки, – это прошлое. Отца не вернешь. Я вернулась и намерена заниматься делами поместья, жить здесь. А для этого необходимо, чтобы мы с вами научились слышать друг друга.

– Как здесь? – Ингрид, стерев с глаз так и не выступившие слезы, посмотрела на дочь. – Разве ты можешь все это так оставить? Мы должны отомстить Хокстоуну, вернуться в общество! Я погибаю в этой дыре! – баронесса давила на самое больное, спектакль был в разгаре.

– Мама, я же сказала, это прошлое, – не уступая, возразила Николь. – Я не собираюсь никому мстить. Да и как ты прикажешь мне это сделать? И за что? За то, что они тогда оба промахнулись? Я хочу начать новую жизнь, без всей этой столичной грязи и, для начала...

– Новую жизнь? – леди Астлей снова запричитала, сознательно опустив заблуждение дочери о том, что они оба промахнулись, и что Хокстоун просто отказался от своего выстрела, – я так надеялась, что с твоим приездом мое затворничество прекратится, что я начну выезжать в свет вместе с тобой.

– Выезжать в свет? – девушка была действительно удивлена.

Она даже не рассматривала эту возможность. Она и раньше не была любительницей всех этих светских мероприятий, шумных и бесполезно-утомительных. Сейчас, когда она стала взрослой, ее пристрастия не изменились. Она не знала другой жизни, но наверняка чувствовала бы себя вполне счастливой, живя в родном доме, продолжая дела отца.

– Конечно! Тебе нужно сделать партию, твои сверстницы уже давно отхватили себе мужей, – Ингрид очень натурально ужаснулась. – Это практически последний сезон, когда тебя еще позволительно не записать в старые девы. Конечно же, я не предлагаю тебе застрелить Хокстоуна, – она усмехнулась, – но твоя красота должна блистать в столице, а не здесь. Ты, выйдя удачно замуж, покажешь этому надменному маркизу, что не все в его власти, что Астлей будут блистать в обществе тогда, когда захотят.

Николь расстроено смотрела на мать. Она знала, что не собирается нигде «блистать». Все это было ей совершенно чуждо. Николь даже не могла себе представить, что будет посещать все эти приемы, лицемерно улыбаясь всем подряд. Соблюдать дурацкие светские условности, которые словно ниточки дергали бы ее тело, не позволяя выйти за рамки сомнительных приличий. Но, видя, с каким воодушевлением баронесса говорит об этом, ее сердце болезненно сжималось. Она поняла, насколько это важно для нее мать даже помолодела, лицо просветлело, морщинки разгладились.

– Мама, я не собираюсь искать никакую выгодную партию, – осторожно, чтобы не вызвать очередную вспышку гнева или истерики перебила ее Николь.

– Ты не собираешься выходить замуж? – Ингрид, ошарашено, упала в кресло.

– Нет, я не говорила этого! Для того чтобы выйти замуж, не обязательно ехать в столицу и посещать всю эту светскую чепуху, – баронесса смотрела на нее непонимающе, и она пояснила. – Моя судьба найдет меня там, где предназначено.

– Не говори чушь, Николь! Ты для чего пять лет училась в пансионе? У тебя, как у наследницы титула и состояния есть непреложные обязательства. Ты должна сохранить и приумножить все то, что оставили тебе предки, – Ингрид, ловко владея ситуацией, наблюдала за тем, как во взгляде дочери появились сначала сомнения, затем задумчивость. – А здесь, ты за кого собираешься выходить замуж? За арендатора? За пять лет, которые я прозябаю здесь, ни одна титулованная особа даже мимо не проезжала! – горячо закончила мать.

Это было полной правдой. Розберри находилось на отшибе. Неизвестно, чем руководствовались предки Николь, выбирая место для обоснования, только ее отцу это очень нравилось. Имение стояло на окраине живописной равнины, сразу за которой начинались пологие склоны холмов и пролески. Деревенка, в которой жили арендаторы, лишь небольшим ансамблем дополняла имение, окруженное парком. До ближайшего поместья было пару часов пути, до столицы и того больше.

– Раз уж твоему отцу не суждено было иметь наследника, который передал бы имя, ты обязана передать хотя бы состояние! – триумфально поставила точку Ингрид.

– Хорошо, мама, я обязательно подумаю, что можно сделать, – Николь, ощущая неприятный груз на душе, собралась уходить. – Я собираюсь прогуляться, не составите мне компанию?

– Где прогуляться? – баронесса недоуменно вскинула брови.

– Просто, по округе, ведь я не была здесь целых пять лет.

– Поверь мне, девочка, ты ничего не потеряла, – Ингрид презрительно скривилась. – Цвет грязи здесь не изменится даже за тысячу лет.

Бросив на мать грустный взгляд, Николь поняла, что разговор окончен и тихо вышла.

Через час, она обнаружила, что прогулка не вышла такой, какой она себе ее представляла сначала. Занятая тревожными раздумьями, навеянными утренним разговором с матерью, она была не в состоянии любоваться тем, чего была лишена во Франции. Робкая весенняя красота, просыпающейся после зимних холодов природы, так и не была удостоена ее внимания. Мысли ее пребывали в полной сумятице. Прятавшиеся все эти годы сомнения, уверенным строем вышагивали на переднем плане, подминая под себя, ее, уже не так четко нарисованные, планы на будущее. Конечно, в пансионе, где девушки держались в строгости и дисциплине, когда закрывались двери комнат, воспитанницы из благородных семей становились обычными девочками и сплетничали, сплетничали и еще раз сплетничали. И сейчас Николь, кажется,

наконец, поняла причину тех скептических или недоуменных взглядов, которыми ее одаривали подруги и, в том числе, Эмили, когда она говорила, что не собирается выезжать на сезоны и ломать себе голову по поводу погони за удачной партией. Ей даже в голову не приходило, что вместе с ответственностью за состояние Астлей на нее лягут обязанности, «не только сохранить его, но и приумножить». Естественно, она, как и любая из ее сверстниц, грезилась о настоящей и единственной любви. Но, насколько она успела узнать светские принципы, «настоящая и единственная любовь» была последним, и отнюдь не обязательным критерием, по которому заключались брачные союзы. И это не прельщало Николь. Будучи первой свидетельницей несчастного брака ее родителей, она, конечно, отрицала такое для своих будущих детей.

Так, занятая безрадостными мыслями, она даже не заметила, как впереди показались домики деревни. Николь остановилась. Когда она возвращалась, думала, что чуть ли не в первую очередь побежит именно туда. Она не была там с тех пор, как не стало отца и, наверное, ей очень хотелось увидеть всех этих людей. Наверное, но только не сегодня. Ей необходимо было с кем-то посоветоваться, а милые деревенские жители не смогут помочь ей в этом. Они, конечно, с удовольствием подскажут ей, как сохранить урожай, или испечь хлеб, как вылечить ребенка, или как можно веселее провести долгие зимние вечера, но они живут сердцем, а Николь понимала, что для принятия решения ей сейчас нужен разум.

Вернувшись домой, она села писать письмо Эмили. Не имея возможности сообщить ей какие-нибудь радостные новости по поводу своего возвращения, она только спрашивала, и поэтому письмо получилось коротким. Почтовая карета никогда не приезжала в Розберри. Посыльный ездил в Хевенхерст, находящийся на пути в Лондон. Оттуда вся корреспонденция разъезжалась разными дорогами адресатам. Письму Николь еще предстояло переплыть пролив, поэтому ответа можно было ожидать нескоро. Потом она пошла к экономке, миссис Гризби, она уже много лет вела хозяйственные дела в Розберри, и, если Николь собиралась разобраться с ведением хозяйства, то обращаться следовало сначала именно к ней.

Комнаты, отведенные для прислуги, располагались в старом крыле дома, которое первоначально было хозяйским. Позже, при ее деде, было пристроено новое крыло, по стилю соответствующее старому, чтобы не портить внешний вид фасада. Интересно, что здесь же находился и кабинет отца, перешедший ему по наследству. Когда новое крыло было достроено, барон Эндрю Астлей, ее дед, не пожелал перебраться в новое, его традицию продолжил отец. Он всегда говорил, что в этой части здания более уютно, несмотря на господствующие сквозняки. Но здесь, по словам отца, «пахло детством», и он с удовольствием променял благоустройства новых комнат на уют старых. Детство Николь прошло рядом с отцом, поэтому она с полной ответственностью могла заявить, что старое крыло ей тоже нравилось больше. Она часами сидела в кабинете отца, играя или читая, часто наблюдая за тем, как он работал.

Теперь кабинет пустовал. При жизни отца все необходимые записи и расчеты делал он сам, только получая от экономки необходимые сведения. В завещании он наделил ее этими полномочиями, строго наказав ей до совершеннолетия Николь во всем советоваться с мистером Келли. Выносить многотомные книги, в которых в течение поколений велись записи по хозяйству, никто не стал. Миссис Гризби, по необходимости, приходила в кабинет.

Сейчас она тоже была здесь. Николь, машинально, подняла руку, чтобы постучать, но задержалась, вспомнив, что отец ей не ответит, вошла. Остановившись на пороге, вдохнула знакомые запахи. Кабинет отца всегда имел свой особенный, неповторимый аромат. К запахам старинных книг, которыми были уставлены полки от пола до потолка, примешивался специфический, замешанный на клее и кожаных переплетках новых. Даже чернила в массивной чернильнице, в виде головы льва, издавали бесподобный, слышимый только ею аромат. Здесь действительно пахло «детством», только дым от отцовских сигар больше не наполнял кабинет.

– Мы все по нему скучаем, мисс Астлей, – наконец, откликнулась, молчавшая все это время, чтобы не помешать девушке, экономка. Она сидела за небольшой конторкой, поставленной почти посередине комнаты, над открытой книгой.

– Добрый вечер, миссис Гризби, – поздоровалась Николь. – Этой конторки не было здесь при отце?

– Да, конечно – миссис Гризби подхватила. – Это я попросила принести ее сюда из моей комнаты, я мы, конечно, вынесем ее теперь, если прикажете, – засуетилась женщина. – Просто я решила, что мне негоже сидеть за хозяйским столом, вот я и подумала...

– Ну что вы, миссис Гризби, что вы так разволновались, – поспешила успокоить ее Николь, – Просто, это единственная перемена здесь.

– Теперь, конечно, когда мне не нужно будет сюда приходиться, вам она не нужна, – женщина раскраснелась и сжала руки, явно собираясь поднять какой-то, важный для нее, вопрос.

– Погодите, почему это вам не нужно сюда приходиться? – остановила ее Николь.

– Ну, я подумала, что теперь вы сами будете вести все записи? – миссис Гризби заметно нервничала, и Николь, наконец, поняла из-за чего.

– Миссис Гризби, конечно же, я намерена вести хозяйство имения сама, – медленно, чтобы смысл ее слов дошел до совершенно разволновавшейся женщины, сказала Николь, – но прежде, чем я начну это делать, мне нужно этому научиться.

Экономка постаралась скрыть, насколько ее успокоили слова хозяйки, но облегченный вздох, все-таки, не укрывшись от Николь.

– Значит, вы не собираетесь уволить меня прямо сейчас? – она сцепила перед собой руки, – очень сложно найти работу так быстро.

– Миссис Гризби! – видя, что неправильно выразилась, продолжила девушка. – Даже если произойдет чудо, и я быстро освою эту науку, мне обязательно понадобится ваша помощь.

Женщина чуть не подпрыгнула от радости.

– Не пойму, почему вы вдруг решили, что я намерена вас уволить? – наблюдая за теперь уже откровенным выражением радости, недоумевала девушка. – Ведь вы занимались хозяйством даже при моем отце, а он всегда выполнял основную работу сам.

– Леди Астлей многим из прислуги все это время говорила, что покойный барон держал нас здесь из жалости, – она спрятала взгляд. – И что если бы не завещание, она бы выгнала нас, как бродячих собак.

– Она говорила это от обиды, миссис Гризби, – нахмурилась Николь.

– Она обещала, что как только вы вернетесь, она обязательно добьется, что бы вы заменили прислугу, вот я и решила

– Миссис Гризби, – Николь ощутила невероятную усталость, – пожалуйста, передайте всем, кто еще так думает, что я никого менять или увольнять не собираюсь.

– Хвала небесам! – вознесла молитву экономка. – Может показать Вам книги?

– Вообще, я для этого сюда и пришла, но что-то мне уже перехотелось сейчас в чем-то разбираться, – Николь действительно ощущала полную опустошенность и виновато посмотрела на экономку. – К тому же, мистер Келли обещал прислать отчеты.

– Да-да. Я отсылаю ему отчеты регулярно, как он и просил.

– А когда он обычно приезжает? – задумалась Николь.

– Мистер Келли сам никогда не приезжал сюда, чтобы проверить достоверность моих отчетов, нас посещает только его помощник, мистер Джаред. Но вы можете быть уверены, все сосчитано до зернышка. Арендаторы все порядочные люди, да и урожаями нас земля балует, не говоря уже о животных, которых многие разводят на ваших пастбищах.

Николь поняла, что почти уже не слушает женщину. Уставшая от морального напряжения последних дней, она, к тому же, сейчас поймала себя на мысли, что мистер Келли, это тот человек, который мог бы дать ей дельный совет. К сожалению, он не приезжает сюда, значит

ей придется ехать к нему в Лондон, причем без предупреждения, так как просить приехать его письмом было бы очень долго, а ей непременно нужно было услышать мнение незаинтересованного в ее судьбе человека.

Глава 14

Поездка, в которую отправилась Николь спустя сутки, могла бы стать очень интересной, если бы не находящаяся в апогее борьба сердца и разума, которая извела ее за эти два дня. Накануне, она очень долго раздумывала. Потом, поймав себя на мысли, что просто напросто ищет доводы для того, чтобы никуда не ехать, а остаться на своем, решительно запретила себе сомневаться. Ей необходимо было мнение третьей стороны, которая могла бы здраво отделить материнские амбиции, и ее нежелание ввязываться в круговорот светской жизни, сот действительно необходимых обязанностей наследницы Астлей. В конце концов, мистер Келли мог бы предложить какой-нибудь, менее обременительный, способ все это осуществить. Когда она объявила о своем решении матери, та, к ее удивлению, отказалась ехать с ней, и, сославшись на то, что отношения их с мистером Келли откровенно не сложились, попросила не упоминать ее заинтересованность в том, чтобы Николь стала выезжать, объяснившись тем, что это может заставить его дать девушке не тот совет.

Поэтому, Николь настояла, чтобы с ней поехала миссис Гризби, которая должна была выполнять что-то вроде роли компаньонки. Бедная женщина так волновалась в ожидании встречи с Лондоном, о котором за всю свою жизнь только слышала, что практически все время молчала. Отвлечь Николь от противоречивых мыслей было некому, и девушка, смотря в окно, тем не менее, практически ничего не замечала, вновь и вновь обдумывая то, как и что скажет управляющему.

Столица встретила их замечательным и очень редким для этого времени солнечным днем. Суeta на улицах, раскрашенная во всевозможные цвета, люди, экипажи, повозки вот то, что, наконец, вырвало девушку хоть ненадолго из плена мрачных мыслей. Пока их кучер, стараясь никого не раздавить и употреблять крепкие словечки не слишком громко, пробивался на Ломбард-стрит, где находилась контора Келли, девушка, видевшая это не раз, только зажмуривалась ежеминутно, когда Брайтон лавировал в опасной близости от соседнего экипажа или перебежавшего дорогу человека. Миссис Гризби, пребывая в полнейшем шоке, то широко раскрыв глаза, громко вздыхала, то тонко взвизгивала по тому же поводу.

Экипаж остановился. Николь выглянула, желая уточнить причину остановки.

– Дальше не проехать, мисс Астлей. Там, впереди, что-то вроде ярмарки, – удерживая гарцующих лошадей, крикнул Брайтон, – людей тьма.

– А далеко еще? – перекрикивая шум толпы, спросила Николь.

– Ломбард-стрит – соседняя улица. Я буду ждать вас здесь, только в сторону стану.

Через несколько минут Николь и экономка уже смешались с толпой, наводнившей улицу. Помогало только то, что ярмарка, на которую видимо и продвигалось большинство, была в той же стороне, где и нужный им поворот. Немного помятые, они, все-таки, через какое-то время остановились на пороге внушительного здания, на первом этаже которого располагалась ювелирная мастерская, а на втором управляющая контора. Николь стукнула молоточком, но когда дверь, тут же, открылась, испуганно отступила. На пороге стоял внушительных размеров мужчина. Дворецкого здесь конечно не было по определению, значит консьерж, но вид у него был настолько угрожающий, что Николь еще раз покосилась на вывеску с номером дома.

– Нам нужен мистер Келли, – выдавила она в ответ на выжидательный взгляд мужчины.

Тот, совершенно молча, отступил в сторону, сделав короткий приглашающий жест. Николь нерешительно вошла, потянув за собой перекрестившуюся компаньонку. В просторном холле было уютно. Несколько удобных кресел, расставленных вокруг низенького стола, возле разожженного камина, расстеленные на полу, довольно дорогие ковры, картины, все указывало на то, что здесь привыкли принимать высокопоставленных, обеспеченных людей. Над дверью направо, висела вывеска ювелирной мастерской. Лестница слева поднималась на вто-

рой этаж, туда, куда, судя по жесту мужчины, следовало идти Николь. Она оглянулась на дверь, потом снова посмотрела на впустившего их верзилу, который, только коротко оценив ее внешность, уселся в уголке. Видимо, он был здесь больше для безопасности ювелирной мастерской, и, следовательно, об их приходе никто не сообщит и в контору не проводит. Глубоко вдохнув для смелости, девушка поднялась по лестнице.

– Может, я подожду здесь, мисс? – экономка не знала, чего она боится больше – остаться здесь с этим здоровяком, или, наконец, встретиться с неуловимым мистером Келли, который контролировал ее работу все эти годы.

Николь, остановившись перед дверью, коротко кивнула ей в знак согласия, ей действительно лучше было поговорить с управляющим наедине, и постучала. Услышав короткое приглашение, она толкнула дверь и заглянула. Слова приветствия застыли на губах. Келли был не один. У невысокого арочного окна, опершись плечом и скрестив руки на груди, стоял опередивший ее посетитель. Полуденное солнце ярко освещало его со спины, поэтому лица не было видно, но что-то в этом силуэте заставило сердце девушки тревожно замереть.

– Николь? – из-за стола справа, резко подскочил Келли, – Простите, мисс Астлей. Я не ждал вас.

– Да, действительно, я без предупреждения, простите, – Николь, стягивая перчатки и, стараясь избавиться от неприятного ощущения, прошла в его сторону, но, все-таки, пару раз бросила взгляд на силуэт у окна. – Если вы заняты, я подожду там, внизу... – тут она снова замолчала.

Теперь она стояла так, что свет уже не мешал ей увидеть лицо мужчины у окна, как теперь стало видно, так же пристально ее рассматривающего. Мир вокруг завертелся, и уже до того, как Келли произнес следующие слова, она поняла, что знает этого человека.

– Мисс Астлей, вы, вероятно, помните мистера Грегори Хокстоуна

– Мейсон, – силуэт у окна заговорил и, оттолкнувшись от подоконника, приблизился, – ты сейчас начнешь перечислять все мои имена, остановись... Мисс Астлей, – он обратился к ней, ожидая, что она подаст руку, но этого не произошло, и он только коротко кивнул.

Мысли и воспоминания понеслись в голове Николь с безумной скоростью. Перед ней стоял мужчина, бывший средоточием всех бед, произошедших с ее семьей несколько лет назад. Высокомерный, холодный и развращенный баловень судьбы, который прогуливаясь по жизни, случайно зацепил ее и без того шаткий мирок. Что такого могла найти в нем мать, если ее увлечение действительно имело место? Или произошедшее в Уотерфорде, больше соответствовало версии леди Ингрид? В мгновение, Николь с горечью осознала, что то, о чем она говорила матери, что все это в прошлом, что месть не имеет никакого смысла, что она не собирается искать правды, было жалкими отговорками. Она ненавидела этого человека, как только могла ненавидеть, насколько ей вообще было знакомо это чувство. Она поняла это сейчас, глядя в его красивое аристократическое лицо, в серые глаза, смотревшие сейчас на нее с настороженным интересом. Николь дерзко вскинула голову, постаравшись придать лицу, как можно более, уничтожающее выражение.

– Мистер Хокстоун уже собирался уходить, мисс Астлей, – прекрасно понимая причины столь агрессивного поведения гостя, и видя, что его уютный кабинет сейчас разверзнет молния, Келли выразительно посмотрел на гостя.

– Неужели? – Грегори, вскинул брови, покосился на Мейсона. – Ты же только что предлагал мне выпить!

– Естественно! – Келли раздраженно повел плечами и вновь уставился на посетителя. – Но не сейчас же, а вечером. Да, вечером, в клубе, как и договаривались.

– Ах, вечером! – Грега явно забавляло внезапное желание друга, как можно скорее выставить его. Создавалось впечатление, что если бы Мейсону позволяла комплекция, он вытолкал бы его за дверь без всяких объяснений. – Ну, хорошо, значит вечером в Уайте.

Николь, не в силах находиться рядом с ним, отошла к окну, возле которого только что стоял ее враг, пытаясь взять себя в руки. Во всем виновата неожиданность. Если бы у нее было, хоть несколько минут, она бы встретила этого человека по-другому. Закрывшаяся дверь, тихо шелкнула, и Николь, повернувшись, увидела, что Мейсон Келли, сцепив руки, смотрит на нее. Хокстоун ушел.

– Что привело вас ко мне? – Келли решил, что самая лучшая тактика – спокойствие. – Отчеты уже на пути в Розберри.

– Вы говорили, что я смогу обратиться к вам, если мне это будет необходимо, – Николь, сбита с толку встречей с Хокстоуном, начисто забыла все заготовленные варианты начала такого шелпетильного разговора. – И, как выяснилось, мне действительно не к кому обратиться, кроме вас.

Грегори остановился, выйдя за дверь, постоял и стал медленно спускаться по лестнице. В первую минуту, когда девушка вошла, он даже не вспомнил, что знает ее. Он был слишком занят созерцанием ослепительной красоты, обостренной шелпоткой чего-то неприятного, связанного с ней. Обращение Мейсона к гостье, сразу расставило все по местам. Конечно же. Ворвавшееся в комнату создание было слишком юным, чтобы быть той, которая пыталась залезть к нему в постель и обвинила в попытке изнасиловать, с мужем которой он стрелялся несколько лет назад. Перед ним стояла ее дочь – нереально идентичная копия, прекрасная до умопомрачения. Грегори вновь остановился, так и не дойдя до конца лестницы, воспроизводя только что увиденное, и собственные мысли, посетившие его, пока она была рядом. Грег, не веря, нахмурился. Никогда в его насыщенную слабым полом жизнь, женщина не врывалась так, чтобы ему, несмотря на то, что она была глухо запакована в пыльный дорожный плащ, сразу захотелось гораздо большего, чем просто поцеловать ей руку.

И ведь как раз в этом ему было намеренно отказано. В ее глазах плескалась неприкрытая ненависть. Не просто хорошо отрепетированное показное выражение лица, направленное на достижение какой-либо своей цели, а сильное, исходящее из глубины души чувство. Что ж, если она так похожа на мать внешне, то внутренне она и подавно должна была повторить родительницу. И естественно, рассматривая старую историю с точки зрения Астлей, она имеет все причины испытывать к нему, по крайней мере, сильную неприязнь. Грегори хлопнул сложенными перчатками по ладони. В конце концов, она не первая, у кого он вызывает такое чувство. Правда, это был, наверное, первый случай, когда Грег был ни причем.

Странная штука жизнь. Ухмыльнувшись, он пошел дальше. Может она и не настолько хороша? А, если принять в учет ее наследственность, то от нее вообще следует держаться подальше! Хокстоун спустился и вышел на улицу к своему экипажу, уже более умиротворенный.

Когда Николь озвучила ему свои сомнения, Мейсон долго молчал. В его душе боролись два самых противоречивых чувства: долг и искренность. Разумом он понимал, что обязан сейчас подтвердить долг девушки по отношению к прошлым и будущим поколениям Астлей, и посоветовать ей, как лучше устроить выгодное положение в обществе. Сердце бунтовало. Этому чистому неиспорченному созданию необходимо было бежать отсюда, как можно скорее, пока этот мир не приметил ее и не вогнал в нее свое ядовитое жало. Но он был юристом, адвокатом и управляющим многими состояниями, люди доверяли его разуму, а не его сердцу. Поэтому он должен дать ей единственный верный в этом случае совет.

Николь все это время не сводила с него глаз и как только поняла, что он сейчас заговорит, нервно подскочила со стула, на который бессильно опустилась, высказав ему свою просьбу.

– Мисс Астлей, – Мейсон очень ненатурально прокашлялся, – должен вам сказать, что, взвесив все за и против, я пришел к выводу. Ваша мать права, – увидев, что сказанное подействовало на Николь, как приговор, тут же поспешил его смягчить, – но не во всем. Поверьте, я знаю многих людей из высшего общества, которые не соответствуют вашим пониманиям и

опасениям. Вам, не привыкшей к некоторым светским тонкостям, многое, конечно, покажется странным и чуждым. Но, со временем, вы научитесь избегать всего того, что вам не по душе. Я говорю вам об этом, как человек, определенно знающий, что среди лондонской аристократии достаточно людей, которым эта жизнь представляется так же, как и вам. И стоит только выехать, у вас появится множество друзей, которые станут вашим кругом. Как я уже сказал, не все в обществе настолько уж испорчены и лицемерны. К примеру, герцог Уотерфорд.

– Герцог? Неужели он не настолько стар, чтобы еще посещать светские мероприятия? – Николь было не по себе, что второй раз за день всплывает близкое к той отвратительной ночи имя.

Мейсон замолк, смотря на нее. Потом на его лице появилось понимание, а затем он широко заулыбался, пытаясь задавить рвущийся наружу смех.

– Дорогая мисс Астлей, за время вашего пребывания во Франции, титул унаследовал маркиз Лимерик, и как вы сами могли убедиться несколько минут назад, он еще вполне в состоянии передвигаться! – Мейсон говорил это, а сам представлял себе выражение лица Хока, когда он вечером расскажет ему, какого невысокого мнения о его физическом состоянии теперь могут быть молодые особы. Но последующая реакция Николь заставила его на время забыть об этих мыслях.

– Мистер Келли, – она негодуя смотрела на него, – если вы, по какой-то невероятной причине, считаете мистера Хокстоуна порядочным человеком, то ко мне это не относится, – видя потускневшее лицо управляющего, Николь тут же пожалела, что всплыла, но от мнения своего не отступила. – Я думала вы осведомлены, какую роль сыграл этот человек в жизни моей семьи, это для всего Лондона не было тайной, опять же, благодаря ему, самому! – она помолчала и добавила. – К тому же, мне не нужна никакая протекция! Если я решу посещать высший свет, то мне необходимо научиться всему самой!

– Конечно же, мисс Астлей, – Келли решил отступить. – Что ж, если мы обсудили этот вопрос, то, может быть, приступим к делам поместья? Отчеты я, правда, уже отправил, но у меня есть все копии.

Николь согласно кивнула, радуясь, что есть повод хоть немного не думать о предстоящих в ее жизни переменах. Но, ни в кабинете у Келли, ни потом, уже на пути домой, ей так и не удалось сосредоточиться. Перед ее глазами стояла высокая крутая лестница перед входом в огромный зал, полный ожидающих ее светских акул, по которой ей еще только предстояло подняться.

Келли же, стоял у окна, выкуривая уже не первую, непривычную для себя сигару. Конечно, он дал ей правильный совет. Она имеет право покорить общество, а не проводить унылую жизнь в провинции, осаждаемая бесконечными упреками матери. Мейсон прекрасно понимал, что отнюдь не беспокойство о судьбе дочери, а собственные амбиции движут баронессой, в том, что именно она напомнила девушке о «долге, сомнений не было.

Ингрид совершенно не изменилась. Она жаждет вернуться в общество, изгнавшее ее, не желая понимать, что ее присутствие очень осложнит задачу дочери. Ей и так придется непросто. Определенные условности, и не всегда высокоморальные принципы, изначально чуждые Николь, станут для нее настоящим испытанием. Никогда и никого еще эти пресыщенные аристократы не принимали с распростертыми объятиями. Ее ни один раз будут проверять на прочность, и, к сожалению, не совсем лицеприятными способами. И только если Николь заставит этих кровожадных лицемеров сломать зубы о свой характер, двери всех домов откроются для нее. И это было очень важно.

Николь не осознавала этого, думала, что не нуждается в протекции и помощи, но это были правила игры, установленные задолго до ее рождения, и они бережно передавались из поколения в поколение, вместе с «голубой кровью». Ей придется либо принять их, либо предьявить свои и заставить с ними считаться. Он улыбнулся. Настолько, насколько он успел узнать

ее за две встречи, ей это вполне по силам. Нет, не настолько похожа она на свою испорченную, сумасбродную мать. Гордость снежных горных вершин Ирландии свежим ветром гуляет в ее крови. Достаточно было только вспомнить взгляд, которым она наградила Хока, когда он хотел поприветствовать ее. У Ингрид, в первую очередь, выстроились бы все преимущества этой встречи, и сейчас герцог безуспешно пытался бы стряхнуть ее со своего локтя. Для Николь, вся эта мишура ничего не значила, на первый план выходили чувства, и ей было равным счетом наплевать, что перед ней член палаты лордов, один из самых влиятельных людей королевства. Значит, он все сделал правильно. Просто ей нужна помощь. И над этим стоило подумать.

Глава 15

Закрытый клуб Уайт на Сент Джеймс, был забит до отказа, только это определение больше подходило к какому-нибудь низкопробному пабу в Ист-Энде, а это «пристанище богов» считалось лучшим не только в столице, но и во всей Англии. Лучшим, не в смысле роскоши, а в том, что не весть кого, сюда не впускали. Членство в клубе стоило очень больших денег, и некоторые из его завсегдатаев вкладывали сюда значительную часть своего состояния, чтобы носить престижное звание члена клуба Уайт и иметь доступ к знаменитой книге пари. Но существовал еще и другой отбор, на котором за претендента непременно должны были поручиться все до одного члены клуба.

Самое главное, это было единственное место, где великие мужи своего времени могли позволить себе скрыться от вездесущих жен и без оглядки обсудить любые, пусть иногда даже и не совсем пристойные темы. Спиртное, сигары и азартные игры были единственными молчаливыми свидетелями многих тайн, обсуждаемых в этих кабинетах.

Мейсон хорошо помнил время, когда вход в этот клуб был закрыт и для него. Начинаящий юрист, которому судьбой было отказано в аристократическом происхождении, прекрасно понимал, что в этом клубе его ждут новые знакомства, а, следовательно, и обеспеченные клиенты. Поэтому, о покупке членства он задумался давно. Но, собрать достаточную сумму еще не значило беспрепятственно войти в клуб через парадную дверь. Официально не существовало правила, по которому в Уайте могли состоять только титулованные особы. Главное, чтобы ты был мужчиной и имел достаточно увесистый кошелек. Но негласно, все-таки, требовалась некоторая протекция. Именно ее долго не мог получить Келли. Все его высокопоставленные клиенты отнекивались от этого как могли, ведь это означало поставить его практически на одну ступень с собой. А этого жеманные светские львы позволить своему самолюбию не могли. Членство в клубе свалилось на него внезапно, причем в виде подарка. Грегори Хокстоун таким своеобразным способом оплатил ему услугу, за которую Келли отказался брать с него плату. Грег спорить не стал, но в книге голосований клуба немедленно были поставлены все до одной необходимые подписи, Келли не получил ни одного «черного шара», и на следующий день посыльный от Уотерфорда принес ему пакет с необходимыми документами.

– Их сиятельства, герцог Уотерфорд и герцог Клэймор ожидают вас за столом для покера, – швейцар принял у Келли пальто и сделал жест в сторону беседующих мужчин.

Сказать, что Мейсон чувствовал себя здесь не в своей тарелке – означало не сказать ничего. Когда он сидел в компании герцогов, и ему еще повезло, что сегодня не было Стенфорда и Торнтонна, это ощущение усиливалось в несколько раз. И то, что происходило это довольно часто, и к тому же он с полной уверенностью мог назвать Хока своим другом, совершенно не облегчало его страданий. Ирландский мальчик вырос, получил образование, приобрел светский лоск, достойный аристократа, завел влиятельных клиентов, но в душе оставался все тем же. Видимо, это и сказывалось каждый раз, когда он оказывался среди «сильных мира сего».

Миновав несколько таких же столов, Келли, поприветствовав сидящих, опустился в кресло.

– Хок, ты проиграл, сдавайся! – Рэнфорд Уэстленд с мальчишеской улыбкой откинулся в кресле.

– Черта с два! – огрызнулся Грег, но в следующую секунду вывернул такой глупый ход, что все сидящие за столом переглянулись, а он еще раз пересмотрел карты и взял следующие. Игра не удавалась.

Мейсон подозрительно покосился на друга. Тон его говорил о том, что герцог не в духе.

– Можешь не переживать, Грег, – он сделал знак крупье принести новую колоду, – теперь, когда появился я, неудача будет на моей стороне.

Грег, не оценив шутку Келли, бросил карты на стол. Рэнфорд, многозначительно глянув на них, развел руками.

– Я же говорил! Сдавайте, Келли, – он потер руки, – мне совершенно все равно, кто из вас заплатит за подарок для Дюпре.

– Подарок? – тасуя колоду, удивился Мейсон.

– Конечно же! – Рэнфорд скривился, – если уж у меня нет никакой возможности проигнорировать такое великое событие, как свадьба «нашего дорогого Алекса», – герцог настолько смешно скопировал голос своей жены Уинфри, что даже, казалось, отсутствующий Грег, усмехнулся, – то, по крайней мере, раскошелиться на подарок придется не мне.

– Дорогой друг! – все еще усмехаясь, вступил в разговор Грег, – мне, почему-то, казалось, что когда произойдет это грандиозное событие, ты будешь несказанно рад и осыплешь Дюпре небесной манной за то, что он уже не так часто будет посещать ваш дом.

Герцог Клэймор угрюмо промолчал, как это бывало каждый раз, когда речь заходила об этом друге его жены. Несмотря на то, что, со временем, он стал другом семьи, и герцог так и не смог предъявить ему никаких объективных претензий, кроме разве что того, что, как ему казалось, он делал комплименты его жене чаще, чем остальным, все прекрасно понимали, что, если бы не дружеская привязанность Уинфри к этому французу, ноги бы его в их доме не было.

Увидев, что ему, наконец, тоже удалось подпортить настроение кому-то, Грег униматься не собирался:

– Это старая история, – зная, что Мейсон все еще находится в недоумении, он обратился к нему, – когда-то, несколько лет назад, когда жена нашего герцога только появилась на небосклоне лондонского общества, и он не успел еще поставить на нее знак своего безраздельного владения, именно Дюпре, по просьбе своей сестры, помог ей освоиться в нашем опасном мире. Его авторитет оказался не настолько нужным мисс Уинфри покорила высшее общество быстро и безжалостно. Правда, при этом, она зацепила и сердце самого помощника.

– Если ты сейчас же не заткнешься, Хок, – опасно вкрадчивым голосом предупредил Клеймор, – я заставлю тебя сыграть со мной партию, а в качестве расплаты за проигрыш, ты поплетешься на эту чертову свадьбу вместе со мной.

– Только не это! – в притворном ужасе поднял руки Грег. – Я не отношусь к отряду пожирателей собственных сородичей, и присутствовать при подписании смертного приговора, пусть даже самому Александру, я не намерен.

Теперь из разговора вышел Мейсон. Не спуская глаз со смеющегося Грега, он уже прокручивал в голове мысль, которая только что пришла ему в голову, точнее ему она была подсказана минуту назад.

– Мейсон, дружище, мы играть-то сегодня будем? – Грег, наконец, решил отстать от Рэнфорда. Кстати, я, честно говоря, думал, что сегодня не увижу тебя.

– Это еще почему? – удивился Келли, все еще думая о том, что собирался предпринять. – Мы ведь договорились?

– Я о гостье, из-за которой ты сегодня вытолкал меня из своего кабинета. Меня! Своего самого преданного клиента, ну и по совместительству друга, – Грег иронично поднял брови. – Видишь ли, несколько лет назад, в одну не очень прекрасную ночь, которую я с трудом вспоминаю, эта леди гостила в Уотерфорде... Ничего такого! Ей тогда было лет четырнадцать-пятнадцать! – он уточнил, так как Рэнфорд заинтересованно уставился на него, готовясь взять реванш в острологии. Так вот! Утром слугам пришлось закапывать несколько трупов!

Клэймор поперхнулся воздухом в собственных легких, и, требуя продолжения, не сводил глаз с Грега. Мейсон молчал – причину нахождения Николь в имении в ту ночь он прекрасно знал.

– Правда трупы принадлежали собакам и шакалам... – продолжал Грег, – но я очень переживал за твое здоровье и за свое состояние, друг! – пафосно закончил он, глядя на ничего так и не понявшего Рэнфорда.

– Господа герцоги, я должен откланяться, – Мейсон неожиданно встал. – Хок! Ты гений! – он изо всех сил пожал руку опешившему Грегори.

– Я рад, что мы это выяснили, но куда это ты так быстро засобираешься? Мы даже не успели сыграть ни одной партии.

– Мне необходимо подумать! – Мейсон уже сделал знак швейцару. – Ты только что подсказал мне такой выход! Встретимся завтра... Во сколько я могу приехать к тебе?

– В первой половине, я думаю. – Грег подозрительно нахмурился. Он не любил, когда ситуация была не под контролем.

– Договорились! – Келли оставил растерянных лордов там, где встретил полчаса назад.

Распрощавшись с друзьями, Мейсон покинул клуб. План в его голове уже стал приобретать четкие очертания.

Когда на следующий день Грег встал и камердинер объявил ему, что мистер Келли уже целый час ожидает его в библиотеке, у него zakралось подозрение, что Мейсон болен. Он знал этого человека четыре года. Когда умер дед, обнаружилось, что все дела Уотерфорда ведет некая контора Келли. Нельзя сказать, что Грег был поражен. Вспоминая, как проходила его жизнь в то время, он теперь, осмысливая прошлое, не мог упрекнуть старого герцога за то, что он не подпускал его к делам. Пять лет назад, после злосчастного дня рождения, словно сорвавшись с цепи, Грег пустился во все тяжкие. Пьяные кутежи и женщины сменялись периодами глубокой депрессии, которая вновь требовала чем-то ее заглушить. Так продолжалось почти два года. Что его остановило? Может то, что его друзья, по очереди, покинули холостяцкий круг, или то, что даже его способности увеличивать состояние не помогли быть на высоте, и дела пошли плохо. Точно он сказать не мог. Но однажды он остановился. Вскоре не стало деда, и Грег понял, что старый лис, не в состоянии уже управлять делами сам, все же не пошел на мировую со своим непутевым внуком, а доверил все постороннему человеку.

Впервые приехав к управляющему, Грег собирался отозвать все дела из его конторы, так как хотел контролировать все сам. Испытывая к Келли болезненную ревностную неприязнь, он уже через несколько минут разговора резко изменил свое мнение. Меры и решения, которые предпринимал управляющий в отношении доверенных ему средств, были настолько разумными, и в то же время неординарными, что новоиспеченный герцог с удивлением понял, что мог бы сам кое-чему поучиться. В итоге, он доверил Келли вести дела еще и некоторых своих поместий, просто из интереса, разумеется под своим неусыпным контролем, и был совершенно не разочарован. В силу обстоятельств вступления в права герцогства, их встречи были довольно частыми, и совершенно незаметно переросли в довольно крепкую мужскую дружбу. Во всех случаях, когда Грегу, как более молодому и импульсивному, не хватало терпения, он мог положиться на спокойную рассудительность Келли, которую не могли поколебать, казалось, никакие обстоятельства. Поэтому, его поведение вчера в конторе и потом, вечером, в купе с сегодняшним ранним визитом, вызывало, по крайней мере, подозрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.